

РУССКИЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

ЮРИЙ ИВАНОВИЧ

ОГРАБЛЕНИЕ
ХАРОН

Русский фантастический боевик

Юрий Иванович
Ограбление Харон

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Иванович Ю.

Ограбление Харон / Ю. Иванович — «Эксмо», 2017 — (Русский фантастический боевик)

ISBN 978-5-04-089102-3

Роман Ландер дожил до экватора своей жизни, купаясь в приключениях. Работа у него такая. Приключения занимали столько времени, что он даже жениться не успел. А потом он попал в очередную заваруху и... умер. Вернее, едва не умер, спасшись буквально чудом. И тем не менее, остался на нем отпечаток потустороннего мира, из-за которого Ландер уже никогда не сможет считать себя обычным человеком...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-089102-3

© Иванович Ю., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	26
Глава 4	36
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Юрий Иванович Ограбление Харон

Глава 1 Как оно все начиналось

Когда денег достаточно, о них не задумываешься. А вот когда их нет, да еще и совсем, жизнь превращается в ад. И тогда денег хочется много. Причем сразу полный мешок, чтобы забыться, расслабиться, уехать, порадоваться, напиться, загулять... и так далее. Но именно в том заключаются превратности судьбы, что лихорадочные, сиюминутные поиски денежных средств ни к чему не приводят, а отыскать мешок с деньгами, да прямо в багажнике своего автомобиля – такое только в кинокомедиях случается.

Вот Роман Григорьевич Ландер, имеющий среди близких друзей прозвище мистер Рубка, и не искал. Он даже по сторонам не поглядывал сквозь окна личного авто, а сосредоточенно обзванивал своих должников, которых у него хватало. Ибо безденежье очень редко прихватывало этого мужчину за некие органы. Обычно Григорьевич ни в чем не нуждался. Несмотря на солидный возраст значимо за сорок, он потворствовал всем своим капризам, при этом не забывая собрать и угостить веселую компанию друзей и балуя лучших представительниц прекрасного пола. В наиболее блаженные времена он никогда не отказывал давать в долг солидные суммы порядочным, проверенным людям. Ну а те частенько пользовались щедростью Ландера, успевая поправить свои пошатнувшиеся дела или своевременным вливанием спасти страдающие от кризиса предприятия.

– Обен де роуд! – ругнулся Ландер сложным английским словосочетанием, очередной раз отключая телефон и с досадой ударяя по рулевому колесу. – И этот на мели! Бизьмесьмен хренов! Как они вообще с голоду не вымерли еще?..

Словно опомнившись, погладил ни в чем не повинную баранку машины и стал набирать следующий номер. Должников много, надо лишь удачно выйти на самого денежного из них.

Правда, чего уж греха таить, встречались среди должников и непорядочные субъекты. Это те, кто мало знал Григорьевича или вдруг посчитал себя неприкосновенным, неприкасаемым хозяином этой жизни. Были и такие, что начинали бессовестно врать, надеясь, что «все проходит и это пройдет». А лгунов Рома не любил еще больше тех, кто считал себя круче гор и вареных яиц. Тут же включал режим безжалостного берсерка и крушил не только повинные челюсти, но и все (или всех), что (или кто) эти челюсти окружало. Потому и получил свое прозвище Рубка, как сокращенное от полного, еще в детстве полученного «мясорубка».

Виновные сразу же припоминали, кем господин Ландер работал в молодости, вспоминали суть его истинного прозвища, глубоко раскаивались, отдавали долги с солидными штрафами и отправлялись на длительное лечение. В лучшем случае... Увы, случались и более печальные последствия для особо упорствующих личностей. Но в тех случаях они сами были виноваты, больше винить некого.

– Ало, Бэрг! – радостно воскликнул Роман, когда очередной абонент откликнулся по мобильной связи. – Сто лет тебя не видел! Ты где пропал?

– И я рад, что ты объявился! – Правда, голос старого друга, известного еще по отроческим годам, звучал не совсем искренне. – Как только мой телефон новый узнал?

– Слышь, дружище, ты кончай эти свои еврейские штучки, – хохотнул Ландер. – Отвечать вопросом на вопрос. Или ты забыл, что для меня нет вещей невозможных? Или давно в ухо не получал?

– Ладно, резкий ты наш, не прессуй! Не то сам в ухо заработаешь! – порядочно растолстевший Бэрг прекрасно знал, как и многие друзья по Германии, что Роман шутки любит и понимает. – Говори сразу, что надо, а то я тут на совещании у шефа корпорации, неудобно прерывать.

– Деньги когда отдашь? – Григорьевич добавил в голос угрожающей хрипотцы. – Уже месяц, как все сроки вышли!

– Да нет проблем! – неожиданно легко и охотно пошел навстречу Бэрг Сенни, он же в далеком доэмиграционном прошлом Борис Сенин. – Давно для тебя отложил в сейф и не прикасаюсь. Когда сможешь забрать?

У Ландера отлегло от сердца, и он непроизвольно вздохнул с облегчением. Сумма долга висела солидная, двадцать пять тысяч, так что с лихвой хватит на все про все. Можно считать, что возникшие сложности уже остались позади.

Только и оставалось, что уточнить, да перестраховаться:

– Хоть э-э-э... через полтора часа могу быть в твоей конторе. Если сейчас выеду.

– Так я ведь у шефа, а тут всегда надолго, – стал обстоятельно докладывать Бэрг. – К тому же столики на обед в ближайшем ресторане заказаны, так что не раньше четырех буду у себя в офисе. Приедешь в полпятого – не ошибешься.

– Гут, договорились!

Отключив телефон, Роман задумчиво на него посмотрел, отложил в сторону и потянулся к навигатору. Ввел нужный номер на Макс-Бир-штрассе и удовлетворенно хмыкнул:

– Так и думал, не больше пяти минут езды!

Завел машину да и тронулся в путь, окунаясь в воспоминания о человеке, в офис которого он решил наведаться как можно скорее, несмотря на далеко еще не предобеденное время.

В свои молодые годы Борис Сенин считался не только классным парнем, но и удивительным счастливчиком, всегда остающимся на плаву или выскальзывающим из любой неблагоприятной ситуации. У него не переводились деньги, его не чурались приличные и симпатичные девушки, он умел ладить с людьми и завязывать полезные знакомства. При этом весьма грамотно руководил своим, тогда еще подпольным цехом индпошива, развивая в себе коммерческую жилку. Так что никто не удивился, когда он одним из первых еще при Советском Союзе прыгнул в вожделенную для него Германию. Да там удачно намудрил со своими документами, став местным предпринимателем по имени Бэрг Сенни.

Но так и не остепенился толком за два десятка лет, легко срываясь в загулы с веселыми и весьма доступными представительницами прекрасной половины человечества. Именно на этой почве и возобновилась старая дружба, когда Роман Григорьевич Ландер, благодаря немецкому происхождению своего деда, тоже оказался в Германии и осел там на постоянное место жительства. Встретились земляки чисто случайно, порадовались, загуляли. После чего оба товарища вновь, как и в далекой молодости, частенько и рьяно знакомились с женщинами и пускались с ними во все тяжкие.

Что опять, уже в самой Германии, подтвердилось в судьбе господина Сенни, так это особая удачливость во всех делах амурных и житейских. То он на минутку вышел от дамы в машину за телефоном, а к той муж вломился с дубинкой, готовый убивать заподозренного любовника. То мост рухнул уже после того, как Бэрг проехал по нему на тяжеленной фуре с товаром. То все деньги он вынул из банка для срочной закупки товара, а банк взял и лопнул. И это только в крупных делах, не считая повседневной мелочи. Везунчик, иначе не скажешь!

Но уже около полугода, как Бэрг сменил телефоны и для всех старых знакомых сделал вид, что пропал в неведомые дали. А ведь как раз накануне своего исчезновения он и попросил друга Ландера о существенном одолжении. У Романа как раз «денег куры не клевали», и он ссудил внушительную сумму. Вроде и о сроке возврата долга четко договорились: через пять месяцев.

Обычное дело среди старых, проверенных товарищей.

Несколько месяцев прошло, пока Роман решил устроить очередной загул и вспомнил о старом друге. Начал вызванивать – ничего не получилось. Но в тот момент как-то не до того было. Как говорится: «Закружила листва, бес в ребро подтолкнул, и пошла ходуном ресторация!»

Но через несколько дней вспомнил о пропаже, напрягся, проделал соответствующие разыскные мероприятия. И немало подивился полученной информации. Дружбан Боря резко взялся за ум. То есть женился и стал вести добропорядочный образ жизни. Да и дела у него в бизнесе пошли помаленьку в гору. Что при бушующем кризисе являлось отменным показателем стабильности и процветания.

И что было делать? Обижаться на товарища, что не позвал на свадьбу и не сообщил новые номера телефонов? И требовать «накрыть поляну», по всем пацанским понятиям? А стоит ли? Тем более что долг на мозги не капал, до срока в пять месяцев еще о-го-го сколько было. И мысли мелькали тогда сочувствующие:

«Бедняга! Это же у него райская жизнь холостяка окончилась. Если еще какая-нибудь ему стерва в жены попалась, то лишь посочувствовать остается... Хе-хе! И чисто поржать при встрече!»

Затем жизнь закрутила, завертела так, что о должной дате и не вспомнил вовремя. Да и особых сомнений не возникало, чай не чужой человек, сам отдаст, позвонив перед этим. Увы, не звонил. Да и вчерашний день, когда стало к вечеру известно про острую нехватку дензнаков, остался безответным. Бэрг не ответил на десяток телефонных звонков и не отозвался на сообщения. А тут вдруг, находясь на совещании, взял да отозвался.

Для Ландера этого уже хватило для определенных подозрений. И что ему врут – стало предельно ясно. А вранье, как и обычно, бесило Григорьевича до невозможности. И тут уже никакие поблажки на старую дружбу не действовали. Потому он не стал ждать означенного времени, а отправился в нужное место сразу.

Оставил машину подальше, походил по противоположной стороне улицы, присматриваясь к нужному окну на втором этаже. Там явно кто-то мелькал, в глубине помещения, плохо различимый за полосками регулируемого жалюзи. Кто там? Неужели воры хозяйничают, воспользовавшись отсутствием хозяина? Или секретарша уборку затеяла? Да нет, вон на огороженной стоянке виднеется любимый «БМВ» гера Сенни. Вряд ли он его успел продать кому-то из соседей за последние два месяца.

Ну и проверить можно, не отходя далеко от кассы. Роман втиснулся в подъездную нишу, не теряя нужное окно из обзора, и набрал номер приятеля.

– Да? – последовал осторожный ответ господина Сенина-Сенни. Одновременно с этим прекратилось мельтешение в офисе.

– Слышь, старик, – сразу перешел на самый доверительный тон Ландер. – Я тут в Фалькензее со своими делами задерживаюсь, а потому с трудом успеваю на условленное время. Давай на часик позже, а?

– Никак нет, мистер Рубка! – прямо-таки запаниковал, взвился старый приятель. – Я тут все свои дела перестроил-перекроил, у меня тоже никак не получается возле сейфа долго сидеть. В полпятого, и никаких гвоздей! Так что будь пунктуален, как и все порядочные немцы.

– Вот же!.. Шьерт побьери! – старался Роман разыграть досаду. – Ладно, буду выкручиваться... Кстати! Ты что, свою «Бэшку» продал? А то вон вижу ее на углу с Вальдштрассе.

– Хм! Если честно... то продал, – явно соврал невидимый собеседник. – Купил себе «Arash AF-10», ты ведь помнишь, я давно мечтал.

– У-у-у! Ну ты, экстремал! – громко восторгался Ландер, в то же время замечая, как планка жалюзи продавилась вниз и кто-то внимательно осмотрел стоянку и всю улицу в обе

стороны. Напоследок мелькнула пижонская бородка старого друга в стиле «а-ля шейх». – Дашь покататься? Или хотя бы руками потрогать?

– Куда от тебя денешься, – послышалось великодушное разрешение. – Дам и потрогать, и разрешу даже тряпочкой протереть! – Планка вернулась в прежнее положение, и тень вновь замелькала по всему помещению. – Не опаздывай только. Пока!

На ходу пряча телефон в карман, все более злящийся мистер Рубка поспешил в якобы пустующий офис.

– Я-то не опоздаю! – бормотал он себе под нос. – Уж в этом можешь быть уверен, счастливчик! Но что-то мне сдается, что сегодня Фортуна будет не на твоей стороне, везенье твое кончилось.

Куда идти и как, чтобы не оказаться на видеозаписи служб охраны, Роман знал. Довелось в этом здании, с более чем десятком офисов, несколько раз побывать еще и помимо посещения старого приятеля. По пути подметил, что во внутреннем дворе ведутся какие-то ремонтные работы: вовсю веселился отбойный молоток, скрежетал ковшом мини-экскаватор.

«Весьма кстати! Стану бить эту лживую морду, никто и не услышит! Разве что секретарша... Куда бы ее срочно отправить?..»

К огромному облегчению, секретарши на месте не оказалось. А вот некий штрих негативного плана добавился: рабочее место выглядело стерильно чистым. Ни листочка или папки на столе, ни единого устройства оргтехники рядом. Три стеллажа для всего остального стояли пустыми. Однозначно, что делопроизводитель уволена, все остальное вывезено. Даже камера наблюдения за приемной безжизненно свисала, свернутая набок.

«Оп-па! Никак Боречка в бега собрался? Или какую грандиозную аферу замутил? – При этом визитер неслышно скользнул к двери, прислушался и попробовал аккуратно прокрутить круглую ручку открытия. – Заперся! И явно собирается... – принял: – О! Что-то сжигает в декоративном камине! А там же тяга никудышная...»

Замок этот он знал очень хорошо, изнутри на ручке только собачка, сдвинув которую снаружи открыть дверь без ключа нельзя. Но вот сама система – проще не бывает, вскрывается довольно простой отмычкой. Имелась, правда, изнутри на двери и солидная задвижка в виде засова, но тут уж как повезет:

«Вряд ли он настолько решил изнутри забаррикадироваться или развлекается там с какой девицей, – размышлял Роман, осторожно открывая замок. – А если и так, то я ведь не спешу, уважу друга, подожду его здесь...»

Получилось. Дверь медленно, без скрипа приоткрылась, а потом и гость неожиданный тенью проскользнул внутрь офиса. Дверь за собой закрыл так же беззвучно, после чего с минуту рассматривал ничего не замечающего Сенина. Тот шумно выгребал какие-то бумаги из самого нижнего ящика письменного стола, поспешно просматривал их и бросал в угол комнаты. Там уже и так скопился порядочный ворох ненужной или устаревшей документации.

На столе стояли раскрытыми дипломат, ноутбук и небольшой саквояж с личными вещами. Судя по прощальному аккорду, программа «виндос» как раз свернулась на ноуте, дипломат и саквояж полны, хозяин готов отправиться в дальнюю дорогу. Оставалось только его поддержать морально и должным образом напутствовать. Что Ландер и сделал, грянув своим шикарным, командирским басом:

– Дорога дальняя, судьба кандальная!..

От неожиданности господин Сенни умудрился из положения «низкий старт на полусогнутых» подпрыгнуть чуть ли не до потолка. Мог бы убиться если не об потолок, то уж точно во время приземления среди выдвинутых ящиков стола, но и тут ему повезло: упал прямоком в просторное кресло на колесиках, и то мягко транспортировало пассажира к самой стене.

А вот внутреннее состояние уважаемого Бэрга оставляло желать лучшего. Мужчина покраснел, затем резко, чуть ли не до синевы побледнел и открытым ртом попытался втянуть в

себя хотя бы толику живительного кислорода. Его обе руки поочередно хватались то за горло, то за грудь в районе сердца, то пытались надавить на изрядно провисший пивной животик.

Помогать доходящему товарищу Ландер не спешил. Вальяжно расселся в гостевом кресле, неспешно раскурил вынутую из чужого дипломата сигару среднего формата и только после этого пафосно, по слогам воскликнул знаменитое:

– Не ве-рю! – И тут же сменил бравурный тон на рассудительный: – Хотя ты и старался изо всех сил сыграть радость моего лицезрения, но все-таки не совсем искренне у тебя получилось. Потому и «Не верю!». А главная твоя ошибка в чем?.. Правильно! Нет твоей шикарной, голливудской улыбки. Ну-ка, изобрази улыбочку!.. Да, да, ту самую, с которой ты меня просил одолжить тебе денег. Ага! И ту самую, с которой ты обещал вернуть долг в срок и с большой благодарностью в придачу... Что кривишься?.. Зубы болят?.. Или может, жмут новые импланты?.. Так это я мигом поправлю! Только перекурю вначале...

И выпустил очередной клуб дыма в сторону гостеприимного хозяина. Тот к тому моменту стал приходить в себя и двигать руками более целенаправленно. Дым тоже попытался прогнать от себя, просипев еле слышно:

– Ты что творишь?.. Ром! Я ведь дым не перевариваю...

– Странно! Зачем тогда тебе сигары?

– Это в подарок...

– А-а-а... Но это не столь важно! – прервал его Ландер. – Прекрасно вижу, насколько ты занят и как сильно взволнован моим долгожданным приходом. Поэтому давай мои еврики, и я быстренько выметаюсь. Ха-ха! Не то счет еще выставишь за дорогие сигары.

Борис размял лицо ладонями, но скривился после этого еще больше:

– Григорьевич, ты уж извини, но тут такое дело... – Он с досадой цокнул языком и невероятно грустным голосом признался: – Обокрали меня... До последней нитки очистили...

Рассмотрев глумливый, явно не верящий взгляд своего гостя, заговорил скороговоркой:

– Ну как до нитки, не совсем голым-то остался. Но все средства сейчас плотно зависли в торговых операциях. Сегодня никак выдернуть не получится. А вот завтра ожидаю первый транш по прибылям месяца, так что к вечеру получишь свои деньги, даже с процентами. Можешь не сомневаться! Я ведь тебя ни разу не обманывал.

– Точно. Ни разу. До сегодняшнего дня. Но раньше у тебя вроде как и возможностей не было меня кинуть. А сегодня ты сразу за все годы нашей дружбы решил наверстать?

– Что ты, что ты! Ты таки неправильно оцениваешь случившееся, и деньги свои получишь завтра, что бы ни случилось! Пусть даже наступит конец света! Клянусь!

На эти громкие восклицания Ландер только и успел отреагировать высоко поднятыми бровями.

В следующий момент дверь резко распахнулась после удара снаружи. От хлипкого замка и от дверного полотна только щепки полетели и огрызки металла. А в помещение друг за другом весьма быстро ввалились три типа. Причем первый из них тут же направил на сидящих за столом приятелей пистолет с глушителем.

Все трое чувствовали себя уверенно, с непререкаемым превосходством. Руки-крюки, морды ящиками, накачанные мышцы груди выглядывают из-под легких кожаных курточек. Да и карманы опасно оттопыриваются изнутри тяжелыми предметами.

Маленькие глазки, вызывающие сомнения в интеллекте своих хозяев, оказались тем не менее не показателем. Потому что второй из вломившихся, пока третий плотно прикрывал дверь, очень вежливо поинтересовался:

– Как мы успели заметить, господин Сенни не только нам деньги должен? А и этому уважаемому джентльмену?

Причем от него же не укрылось досадующее цоканье хозяина офиса и его скошенные глаза в сторону настенных часов. Потому что он продолжил:

– Неужели господин Сенни нас держит за полных дураков? Сказал нам прибыть в полпятого, и мы, как пай-мальчики, придем в строго назначенное время?

– Ах ты, сука! – не удержался Роман от гневных восклицаний в адрес своего древнего приятеля, начавший понимать всю глубину задуманной аферы: – Да ты никак всех своих должников решил собрать вместе и поржать над нами?! Обен де роуд!!

Третий тип продвинулся к торцу стола, присматриваясь к раскрытым вещам и попутно интересуясь у Бориса:

– Господин Сенни! Кто ваш гость и сколько вы ему должны?

– Это... это мистер Рубка. Он мне одолжил двадцать пять тысяч...

– Фи! – спесиво скривился тип. – По сравнению с долгом нам в триста тысяч два с половиной десятка – постыдная мелочь. Но я спросил не его имя, а «кто он?».

– Э-э-э... ну так он этот... – Глаза Бэрга забегали, как стекляшки в калейдоскопе. – Его все знают... Он бывший поли, старший следователь городского округа...

Поражены таким фактом оказались все присутствующие. Но больше всех сам Ландер, возопивший с возмущением:

– Ты чего мелешь, идиот?! Какой такой следователь?!

Но в то же время он боковым зрением не упускал из виду типа, стоящего в трех метрах с пистолетом. Прекрасно сообразил: сейчас может случиться все, что угодно.

Оно и случилось. Стрелок переглянулся со своими подельниками, и те синхронно кивнули, как бы давая добро на предстоящий поступок. Дуло пистолета чуточку повернулось в сторону и дернулось, выплевывая смертоносный свинец. Только вот мнимого следователя уже на стуле не оказалось. Бросив нож правой рукой, который выдернул из рукава левой, он уже всем телом сбивал с ног гостя под номером два, а гостю номер три тыкал вторым ножом, выдернутым из ножен за обшлагом пиджака. С ударом получилось более чем удачно: «третий» попытался ухватить сверху метнувшегося в ноги мистера Рубку, нагнулся и сам практически насадился грудью на длинный, сходный со стилетом нож. Прямо в сердце.

Метательная полоска стали тоже попала в цель: прямо в глаз стрелку.

После чего только и оставалось Роману должным образом успокоить «второго». Вот тут уже пришлось повозиться, крепкий оказался мужик, жилистый. Добрую минуту два сцепившихся тела катались по офису, круша мелкую мебель и царапая отличный паркет. Тип отчаянно сопротивлялся и не хотел никак успокаиваться. Еще и за выпавшим у него же пистолетом успел не просто потянуться, но и схватить удачно за рукоятку. А оружие без глушителя, только грохота выстрелов не хватало в офисе, где и так уже два трупа.

Поэтому Ландер резко крутанул врага за голову, сворачивая тому шею. Хруст, удар падения, прерывистое дыхание и... тихий комментарий от явного банкрота:

– Мне уже показалось, что все... Только ты, Рома, и мог с ними справиться... Спасибо тебе, спас...

– Ах ты!..

Уже вскочивший на ноги товарищ двинулся резко к подавленному морально комментатору, замахаясь на ходу и поливая потоком сквернословия на разных языках.

– Можешь бить, – понурился Борис. – Знаю, что не убьешь, нет смысла. Но и не забывай, что мне еще на улице надо показаться в приличном виде.

Удар он все-таки получил, строго выверенный и в солнечное сплетение. Свалился с кресла и, дергая судорожно ногами, несколько минут хрипел на полу и пускал слюнявые пузыри.

Тогда как Роман вернулся на свое место, продолжая ругаться и поминать всю родню и предков Сенина, упрекая их в сношении с разными дикими и мифическими созданиями. Не забыл напоследок и вывод правильный сделать:

– Каков гаденыш, а?! И тут ему повезло выкрутиться! А приди я на полчаса позже? Или вообще по назначенному тобой времени? Только и нашел бы твой труп, да влип бы в неприятности. Хотя... и так уже влип! Обен де роуд!

С кряхтением и стонами тучный Сенни уселся на кресло и пустился в признания, массируя пострадавшую часть тела:

– Подставили меня, Рома, крупно подставили. Специально крупную аферу затеяли, чтобы все до копейки у меня отжать. Еще и убить хотели. Только и оставалось, что бежать... Да ты можешь глянуть в дипломате, там все документы лежат.

Скорей, чтобы не смотреть на трупы, Григорьевич стал просматривать бегло содержимое дипломата. Но еще раньше он незаметно для стонущего Сенина включил диктофон на своих наручных часах. Мало ли что, вдруг пригодится? Тем более что признания в состоянии аффекта самые ценные:

– Правда, сейчас оба фигуранта мертвы, – продолжал Борис, кивая в сторону «второго» и «третьего». – И меня-то здесь не должно быть со вчерашнего дня. Если удастся незаметно убрать отсюда трупы или подстроить легальность их здесь пребывания, я могу выкрутиться. Поможешь? Отдам долг втройне!

– Ты давай, всю суть дела излагай, со всеми деталями! – прикрикнул мистер Рубка на бывшего приятеля, продолжая перебирать компромат и прочее содержимое дипломата.

Признания продолжились. Суть подставы и рейдерского наезда прорисовалась во всей красе. Советского иммигранта местные воротилы собрались оставить без последних штанов. Но тому повезло. Или не повезло? По крайней мере, ждать неприятностей он не собирался. В дипломате находился подарочный набор из двух билетов на кругосветный круиз. Отправление лайнера завтра утром, из порта Травемюнде. Не так далеко, если на машине туда поехать.

Только и стоило уточнить:

– А что за билеты на круиз?

– Это для сына самого нашего главного покровителя. Собирался заехать, подарить. Сам знаешь, как мои производства от этой семейки зависят.

– Почему тогда имя не вписал?

– Так мало ли как у него сложится? – Боря смотрел честнейшими, хоть и изрядно покрасневшими глазами. – Или какую иную телу с собой брать вознамерится? Или вообще приятеля? Сам знаешь, что на такие лайнеры с бабой тащиться все равно что в Тулу со своим самоваром переться. Хе-хе!

Хорошее настроение у недавнего банкрота росло прямо на глазах.

Но он и не подозревал даже, что дела у его бывшего приятеля – вообще полный швах. Без денег, ему следовало немедленно смыться, а желательно на две-три недели вообще покинуть Германию. Желательно и в Европе особо не мелькать. Старые конторские дела наслонились друг на друга, и света в конце тоннеля пока не просматривалось. Могли зачистить просто за компанию, потому как некие большие чины из конторы, некогда проворовавшиеся, сейчас пытались упрятать все концы в воду.

Вот Григорьевич и решил, тыкая пальцем в давно присмотренную канистру в углу комнаты:

– Тебе помогать только портить. Ты со своим счастьем, со всем марафетом сам справишься великолепно. Ну а я, чтобы чего не вышло, – он многозначительно мотнул головой в сторону трупов. – И чтобы на меня чего не навесили случайно, с собой заберу этот дипломат... и ноутбук заодно.

От вновь покрасневшего лица незадачливого бизнесмена можно было прикуривать. При чем он сразу понял, что спорить, просить, умолять или плакать бесполезно. Если уж бывший служака Ландер что-то наметил, решения своего не изменит. Разве что убьют его. Или ранят тяжело.

Увы, провернуть подобное – не со способностями Сенина. Он, правда, попытался потрещаться:

– Билеты стоят больше моего долга тебе...

– Ты мне должен втрое, за подставу. Да и за спасение твоей никчемной жизни следовало бы с тебя содрать премиальные.

– Тридцать четыре дня!.. Умрешь от цирроза печени!..

– Переживу как-нибудь расставание с родной, хе-хе, Германией!

– Ну тогда, фиг с тобой... – тем более странной прозвучала из уст подавленного и обозленного человека единственная просьба: – Только мой медальон верни. Случайно его, в спешке в дипломат сбросил...

Удивительный случай. Можно сказать невероятный! Со своей цацкой, доставшейся ему по наследству от прадеда, Борис Сенин никогда не расставался. Что в сауне об нее обжигался, что на солнце загорал, сдвигая на спину, что в постели с девочками кувырчался, царапая нежные тела, – редко когда снимал. Хотя всегда давал в руки желающим пощупать, осмотреть и оценить. Хвастался как бы.

«Барахло! – давалась единодушная оценка всеми без исключения знатоками и специалистами. – Из пушечной бронзы выплавлена. И сам сюжет на блямбе – ничего не стоящий. Топорно сделанная картинка «баба в лодке и с веслом». Похоже, что ребенок забавлялся...»

И назвать это убожество медальоном ни у кого язык не поворачивался. Блямба и не иначе, сантиметров восьми в наибольшем диаметре. Цепь, из той же бронзы, тоже прочная, как камень. Но хозяин почему-то верил в свой амулет, верил, что он приносит ему удачу.

«Может, и в самом деле приносит? – задумался Роман Григорьевич, достав цацку и рассматривая уже давно знакомый рисунок. – Но ведь в данный момент он на себе эту цепь не таскал, а вон как повезло скотине, по краю самому проскользнул... Как бы попробовать, да проверить?... Да и как залог эта вещица свою определенную ценность имеет. Оставлю-ка я ее себе тоже, потом должник сговорчивей будет...»

Вслух сказал, бросая медальон обратно и закрывая дипломат:

– Все забираю. Зато будет гарантия, что через месяц ты меня не обманешь. Билеты попробую продать, не получится – сам поплыву в кругосветку. Давно собирался, да все недосуг... Ну а на ноуте буду собранные тобой порнофильмы просматривать. Небось ими вся память забита?... Эй! Ты как себя чувствуешь?

Краснота у Сенина прошла. Как прошла и последующая бледность с синевой. Зато теперь кожа стала чуть ли не желтой от тщательно скрываемых переживаний:

– Ром, зачем тебе этот кусок бронзы? Он ведь только для меня ценен как память о родителях и дедах с бабками... К тому же есть у нас семейное поверье, что забравшему насильно сей талисман он принесет смерть. Стоит ли тебе так рисковать?

– О-о, дружище! Да ты никак мне угрожать надумал?

– Что ты, Григорьевич, что ты! От всей души и от чистого сердца просто предупредить пытаюсь.

– Замнем для ясности! – отмахнулся от него Ландер, упаковывая ноутбук в черную сумку на длинном ремне. – Меня таким не проймешь.

– Зря ты так! – уже стал нервно дергаться Сенин, словно собирался вцепиться своему недавнему спасителю в глотку. – Я правду говорю. И доказать могу. На изображении есть даже надпись, доказывающая мою правоту. Буквы, правда, в разном месте находятся, но если их сложить, получится страшное имя – Харон.

– Чего, чего? – рассмеялся уже почти готовый к уходу гость. – О каком Хароне речь? Не о том ли, что мертвых перевозил через Стикс? Так он мужчиной был, старцем, а здесь явно баба выплавлена. Ха-ха! Или она как бы лодочку-то умыкнула у дедули?

– Не все истории правдивы, и не все легенды верны по изначальной своей сути! – повысил голос Борис. Еще и вставить начал, потрясая указательными пальцами у себя перед носом. – И если ты ослушаешься...

Со своим выпирающим животиком и сутулыми плечами сокрушитель древних легенд смотрелся смешно и непрезентабельно. Поэтому его бывший приятель только презрительно хохотнул, встал, повесил сумку с ноутбуком себе на плечо, подхватил дипломат левой рукой да и двинулся на выход. По пути вынул метательный нож из глазницы поверженного стрелка, вытер его об одежду бандита. То же самое проделал и со стилетом, намереваясь избавиться от холодного оружия возле первой же реки. Напоследок посоветовал:

– Будешь тут поджигать, не вздумай оружие прибрать или сдвинуть. Идеально парни лежат, нарочно бы их так не уложил. Когда вернусь, позвоню, готовь тугрики. Ну и это... Будь здоров и не кашляй!

Покидал он здание, опять-таки стараясь не попасть в объективы многочисленных камер. В подобной изворотливости Сенина тоже не сомневался:

«Не раз с ним на эту тему говорили, воспользуется. Разве что совсем у него удача отвернется из-за утери временной бронзовой цапки, но тут уж не от меня зависит. Нечего было меня подставлять и давать невыполнимые обещания!»

Выйдя на улицу, Ландер облегченно вздохнул, улыбнулся и двинулся в сторону своей машины. Жить стало проще, жить стало приятней: впереди вырисовывался весьма и весьма интересный месячный отпуск. Только и оставалось, что мысленно запеть:

«И нам обедню не испортят коварных происки врагов!»

Глава 2

...И как оно все пошло

В морской порт Роман добрался спокойно, без всяких приключений. Как и на борт корабля взошел без препон, заблаговременно прописав свое имя в именной билет. Причем при посадке и регистрации показал и второй билет, предупредив, что возлюбленная присоединится к круизу в одном из последующих портов.

Подобное разрешалось, и сейчас не вызвало ни единого вопроса. Как говорится, любой каприз за ваши деньги!

Причем деньги оказались уплачены немалые. Каюта досталась люкс, двухкомнатная, с раздвижной террасой с видом на внутренний бассейн, с роскошным ванным помещением, и всего лишь на втором этаже, если начинать отсчет от самой верхней жилой палубы. Только и оставалось после осмотра, что заявить:

– Красиво жить не запретишь! – и мысленно добавить: «Неприятно лишь, что эта красота куплена за мои же кровные. Ну, или за кровные тех фигурантов, которые пришли убивать своего незадачливого поделщика. Если бы не я туда успел вовремя, то не они, а Боречка сгорел бы со всеми потрохами во вчерашнем пожаре...»

В утренних новостях уже огласили все детали случившегося накануне пожара. Многочисленных жертв удалось избежать, благодаря обеденному перерыву в офисном здании, но три трупа пожарные таки отыскали. Правда, идентифицировать тела пока не удалось, но следствие по этому делу ведется и взято на учет главным управлением полиции Берлина. О подозрениях в умышленном поджоге пока не сообщается в интересах следствия.

«Следовательно, Сенин опять выкрутился. Хе-хе!..»

Это была последняя мысль-воспоминание об оставшихся за спиной делах, проблемах и неурядицах. Любуясь, как величественный лайнер при помощи буксиров покидает порт, Ландер дышал полной грудью и уже присматривался к иным террасам. Потому что некоторые пассажирки смотрелись очень, ну очень даже аппетитно. Этакая дикая саванна для любителей поохотиться за лекарством от одиночества. Или леса, кишашие стадами трепетных ланей.

Само собой разумеется, что здесь существовали некие правила охоты, кои следовало соблюдать даже отчаянным и рискованным охотникам. И обитателю двадцать четвертой каюты они были хорошо известны. Пусть самому и не довелось раньше побывать в таком шикарном круизе, но должная информация имелась.

А потому Роман никоим образом не пялился откровенно на соблазнительные тела, а делал это как бы невзначай или боковым зрением. И на лицо напялил маску крайнего равнодушия и полного пресыщения. Мол, я мужчина уравновешенный и спокойный, на первую встречную не бросаюсь. Да и вообще он придерживался часто позиции (коль была такая возможность), при которой герой известного анекдота провозглашал: «Лучше один час игнорировать прекрасную даму, чем четыре часа ее уговаривать».

Ко всему следовало избегать ненужных осложнений с сильными мира сего. На верхних палубах всегда обитают как столпы общества, так и монстры того же общества. И у всех амбиций, зазнайства, ревности, авторитарности и возможностей – выше крыши. Этаким папочка неправильно расценит плотоядные взгляды на своих цыпочек, обозлится и начнет мстить.

Так что вначале следует присмотреться, узнать, ху есть ху, выявить среди окружающих пару-тройку оголтелых, нисколько не ревнивых бабников и уже с ними вместе пускаться во все тяжкие. Вернее, не столько в тяжкие, как в приятные и максимально фривольные приключения.

Казалось бы, зачем искать себе приятелей, если можно действовать индивидуально? Увы, еще при регистрации выяснилась одна неприятная деталь: купленная путевка имела опцию «все включено», но не беспредельную. Ибо во время приема пищи выдавалась только одна порция любого выбранного алкоголя. А вот за добавку в баре уже следовало платить. То же самое на дискотеке и в каком ином заведении, все, что душе хочется сверх лимита, – следовало оплачивать. Или просто проводить выданным тебе браслетом над считывающим устройством. Тогда вся купленная тобой выпивка оплачивалась с твоего счета автоматически. А какой счет, когда за душой ни единого сентима? Один вечер еще пройдет халява, а вот уже на следующий день могут устроить скандал.

Вот и следовало вначале окружить себя щедрыми собутыльниками и поставить себя так, чтобы это они уговаривали с ними выпить, угощая попутно и находящихся в компании дам. Сложная задачка? Ландер считал ее пустячной. Будучи прекрасным рассказчиком и умея быть душой любой компании, он уже к вечеру надеялся оказаться в самой гуще бесшабашного веселья.

Прежние планы поработать первые два дня с реквизированными у Бэрга Сенни документами, все равно ведь неосуществимы. Потому что, по здравым рассуждениям, он решил их вместе с трофейным ноутбуком оставить в надежном схроне. Ничего с ними не случится, если месяц полежат в сухом и темном месте. Отдыхать так отдыхать, а не заморачиваться чужими проблемами и мелочно пытаться себе что-то наварить при этом.

А вот бронзовую поделку, за которой так плакался счастливчик Боря, решил за собой прихватить. Авось да и станет приносить удачу, пусть и временному владельцу. Правда, на шее ее носить не стал (чего позориться-то?), просто постарался держать в одном из карманов брюк, рубашки или купальных шорт.

«При теле? – нащупал довольный турист блямбу в кармане. – Вот и ладно! Вот и посмотрим, в чем великая сила фамильного талисмана».

И отправился заводить первые знакомства. Представлялся при этом налево и направо весьма скромно:

– Мистер Рубка. Профессор юриспруденции. Но сейчас не на работе, поэтому о ней – ни слова!

В дальнейшем бесшабашный, но жутко насыщенный приятными моментами отдых окончательно выбил из головы все мысли о каких-то проблемах, делах или недоразумениях. И собутыльники щедрые нашлись, и цыпочки бесхозные оказались сговорчивы до нужного уровня. Даже холеные, жутко неприступные на первый взгляд дамочки обратили свое внимание на общительного кавалера, обходительного, приятного во всех смыслах и умеющего осыпать восторженными комплиментами.

И платить ничего не пришлось. Ни разу, нигде.

При этом, имея в личном распоряжении целую каюту, мистер Рубка старался не особо водить гостей на свою территорию. Хватало чистых кроватей и в иных местах. Не жизнь, а сказка. Так и напрашивалась песенка из мультика лихой молодости, и Роман ее частенько напевал, вырываясь из объятий очередной пассивности:

– Постоянно сито-пьяно, постоянно пью «Чинзано», и пусть нету миллионо, но плеванто на законно!.. О-у е-е-ес!

Увы, и на этом празднике жизни отыскалась клоака темной, деструктивной силы. Лайнер уже прошел Панамский канал и величаво бороздил воды Тихого океана, когда к Ландеру с претензиями прилип какой-то вздорный старикашка:

– Эй ты, громила! – стал наезжать он противным, писклявым голосом. – По рылу захотел?

Как ни был Роман в тот момент навеселе и в крайне приподнятом настроении, сразу убивать ополоумевшего старца не стал. Даже снизошел до попытки хоть как-то объясниться:

– В чем, собственно, дело? – В этот момент он обнимал за талию вполне приличную даму, лет тридцати на вид. Весьма и весьма пылкая особа оказалась и уже второй вечер старалась не ускользнуть из объятий профессора-искусителя. Насколько она сама о себе рассказала, путешествовала она в одиночестве, и никто вроде ревновать ее не должен.

Да и сейчас дама, ничего не понимая, присматривалась к возмутителю спокойствия с недоумением и брезгливостью. Она его явно не знала.

Старикан тоже, как оказалось, выступал не с претензиями, основанными на ревности к своей излишне молодой цыпочке, его сопровождающей. Или к какой иной даме. При дальнейшем диалоге выяснилось, что скандалист преизрядно пьян, а нарываться стал по совсем уж банальной и никчемной причине.

– Урод! – вопил он. – Я прекрасно слышал, с каким презрением ты отозвался вчера о моей родине! За такое убивать мало!

От такого обвинения мистер Рубка впал в короткий ступор, лихорадочно пытаясь припомнить: когда это он и какую именно страну упомянул вкупе с нелицеприятными словами? Он вообще старался никогда не касаться политики, зная, как это бывает чревато последствиями.

Зато это быстро припомнила его временная пассия:

– Эй ты, псих престарелый и отрывка возрастного кретинизма! Мой друг ни слова не сказал плохого о твоей родине. Он только и заявил, что к власти там пришли конченные ублюдки, и это прозвучало весьма еще очень деликатно. Уж поверь мне...

– Он не имел права так говорить о законно избранном президенте!

– Хи-хи! А кто подтвердил эту законность? – ерничала дама. – Вездесущие янки и их прихлебатели? Ох! Рассмешил!

Тут уже и сам Роман припомнил, как прошлой ночью, сидя в одной из компаний, они несколькими фразами обсудили да и дружно раскритиковали политику одной европейской страны. Посочувствовали тамошнему народу да и тут же забыли об этом, перескочив на более приятную тему разговора.

Вспомнил и искренне удивился:

– Да ладно тебе, дядя Мухомор! Неужели ты тоже ярый фашист?

Старикашка чуть не закипел от злости, начав подпрыгивать, как крышка от кипящего чайника:

– Сволочи! Все вы сволочи! Мы боремся за демократию, гноим социалистов и коммунистов, а вы нас не цените?! Еще и фашистами обзываете?!

– О-о-о, как все запущено! – пришел к выводу Ландер. – Таких зомби переубедить сложно. Да и неблагоприятное это дело с подобным дерьмом возиться.

После чего мягко, но весьма последовательно развернул свою даму и повел ее к своей каюте. Тем самым резко снижая накал страстей и нивелируя еще больший скандал. Потому как его временная пассия уже с недоумением вопрошала: почему никто не спешит приструнить злобствующего скандалиста. Еще и ее пришлось уговаривать на ходу:

– Милая, успокойся! Не стоит связываться с дерьмом, иначе сама вся измажешься. С утра придумаем, как этого недоумка старого прижать правильно оформленными жалобами. Уж поверь, я знаю, как это сделать.

– М-м?.. Неужели ты и в самом деле профессор? – перешла женщина на томное мурлыканье. – Я ведь тоже в законах разбираюсь, попробую тебя протестировать...

– Да нет проблем! – покладисто соглашался кавалер, уже открывая дверь каюты. – Только вначале другой тест, более научный, проведем. Называется он «физическая совместимость». Причем будет он очень, ну очень приятным и длительным!

– Ох! – томно отвечала уже на все настроившаяся дама. – Мне кажется, что ради науки я готова на любые самопожертвования.

О скандальном приверженце фашизма парочка забыла сразу и надолго. Потешилась, сколько позволяло здоровье. Потом вздремнули. Потом опять потешились. И вновь заснули. Только вот перед самым рассветом господин Рубка проснулся окончательно. И вроде лень в теле, сонное томление в наличии, а все равно не спится.

Потому и решил заняться привычными спортивными процедурами. Пожалуй, только он один из нескольких тысяч пассажиров лайнера заставлял себя регулярно в утренних сумерках приводить расшатанный организм хотя бы в частичный порядок. Спорадически и другие личности возникали на палубе со спортивным инвентарем и тренажерами, но тех хватало на два, максимум три раза. Затем разгульное бытие поглощало без остатка. Так что, как обычно, с рассветом лайнер засыпал. Естественно, не считая команды и обслуживающего персонала. Те, казалось, не спали все двадцать четыре часа в сутки.

Вот и сейчас сразу три проворных стюарда проводили влажную уборку в тренажерном зале и тщательную чистку разнообразных тренажеров. Еще двое, хоть это и вызывало улыбку, интенсивно вычищали принесенный сюда здоровенный ковер. Видимо, в одном из салонов упившиеся туристы намусорили, что-то разлили или вообще заляпали возвратившимися наружу излишками алкоголя. Подобное следовало вычищать немедленно, вот пока все спят, уборщики этим решили воспользоваться.

Хотя спали не все. Некий мощный тип лихо «таскал» железо, а увидев такого же фаната, разулыбался:

– Ну вот, я так и знал, что надо пораньше здесь появляться! И свежей, и будет с кем словом перемолвиться.

Говорил он на немецком с тем акцентом, который сразу в нем выдавал земляка. Вот Роман и заинтересовался на русском, отвечая на рукопожатие:

– Никак братья-славяне?

– Ха! – отвечал качок тоже на «великом», но уже с какой-то кривой улыбкой. – От нашего брата никуда не денешься! – Правда, и тут прозвучал какой-то иной, несколько странный акцент. Давно не говорил? Или не ожидал земляка встретить? Да и руку он сразу не отпустил, явно с уважением ее потряхивая и проверяя на прочность: – Ого! Чувствуется моща! А что насчет мизинцами потягаться?

Завершил рукопожатие и выставил мизинец крючком. Мол, кто кого перетянет. Одна из маленьких забав среди любителей потягать железо.

Григорьевич ухмыльнулся и приготовил свой мизинец, не став артачиться:

– Да можно... Правда, я еще не разогревался...

По субличности и по массе он несколько проигрывал земляку. Да и пальцы у незнакомца выглядели мощней, словно толстенная арматура, упрятанная в оболочку из кожи. Но маленькое соревнование ни к чему не обязывало, проигравших обычно не бывало, трактовалось подобное как простенькая забава, повышающая взаимную приязнь. И самое главное, в подобном противостоянии мизинцами Ландер еще ни разу в своей жизни не проигрывал. Его цепкости и силе пальцев поражались все близкие и достаточно знакомые с ним люди.

Так что можно и позабавиться.

Пальцы сцепились, начав тянуть каждый в свою сторону. Незнакомец напрягся всем телом и уже сразу прикладывал все усилия в такой, казалось бы, мелочной забаве. Видать, очень, ну очень не любил проигрывать и тянул из всех сил. Тогда как его соперник выглядел спокойным и с легкостью сдерживал первую атаку.

«Да, земля, тут тебе не там! – внутренне насмеялся Роман. – Обломилось? Не ожидал?.. Хе-хе!»

Скорей спинным мозгом он почувствовал, что пустячное соревнование заинтересовало кого-то из уборщиков. Те явно сместились поближе, чтобы рассмотреть, в чем это и как состоя-

заяются эти неуместные на данном лайнере «спортсмены». В общем-то подобное любопытство обслуге не позволялось и наказывалось начальством весьма строго, но...

Больше ничего подумать или сделать Ландер не смог: по затылку последовал сминающий сознание удар, и незадачливый поединщик провалился в пропасть мрачного неведения.

Очнулся из-за дергающей боли в голове и оттого, что задышался. Рот оказался плотно прижат к ковру и тот мешал толком вдохнуть. Пришлось напрячь все силы также изрядно болящей шеи, чтобы развернуть голову чуть в сторону и назад. В таком положении удалось получить хотя бы частичный доступ воздуха.

Также удалось понять положение своего тела в пространстве и в движении. Завернутого в ковер Романа несло сразу три человека. То есть получалось, что все находившиеся на спорт-площадке были в преступном сговоре!

«Ничего себе рискованные ребята! – появились первые мысли. – Ничего не боятся? Или им так много заплатили? Да и с чего я решил, что они из обслуживающего персонала? Скорей всего это меня конторские все-таки достали...»

Так же он не мог решить, что ему делать. Начать извиваться? Попытаться кричать? Что первое, что второе – бесполезно. Будучи плотно завернутым в ковер – не дернешься. А чтобы пленник не мычал, достаточно сдвинуть рулон в нужном месте. Так что лучше затаиться, мобилизовать все внутренние резервы организма для экстренного прогрева мышц и дожидаться конечного места назначения. Ведь куда-то похитители явно торопятся? А уже в конечной точке их перехода показывать всю возможную прыть в момент извлечения из ковра.

«Что-то ведь явно от меня хотят, – рассуждал Ландер, стараясь дышать по специальной системе. – Мои бывшие коллеги – сразу бы вальнули... Знать бы еще кто? И что именно хотят?..»

Увы, понимание пришло слишком быстро. Оказалось, что отвлекший внимание качок сам под ношей не корячился, а шел впереди всей процессии. Он же и заговорил негромко, когда все замерли на месте:

– Все получилось, лучше не придумаешь, босс. Упаковали, как куколку! Ну и гирьку к ножке привязали, как полагается.

– Хочу плюнуть в его наглую, подлую морду! – послышался знакомый, визгливый голос старикашки. – Еще лучше, лично его пристрелю!

«Обен де роуд! – возопил мысленно мистер Рубка. – Да это же тот самый ночной скандалист!»

– Нет, босс! Не стоит рисковать, – проявил настойчивость его подручный. – И так могли изрядно засветиться. Сбрасываем, пока еще толком не рассвело и все спят.

– Жаль... – послышался скрип открываемых кремальер. – И попинал бы его до крови с огромным удовольствием, – не унимался старый маньяк.

– А что толку? Он все равно без сознания.

Скорей всего открывали одну из бортовых, погрузочных дверей. Имелись такие, чуть выше ватерлинии. Потому как возились слишком долго, кремальер там и запоров предостаточно. Но как время ни замедлилось, настал момент истины.

«Вот сейчас они раскатают ковер!..» – с нарастающим бешенством предвкушал Роман. Тело он разогрел и, казалось, приготовился ко всему.

Увы! Не ко всему!

– Бросайте с ковром! – брюзжащим тоном приказал старикашка.

– Так он же из вашей каюты?

– Ерунда, оплачу. Не волочь же его обратно...

«Ах ты, похудевший Буратино! – мысленно возопил Роман, чувствуя себя летящим вниз головой и спешно набирая в легкие как можно больше воздуха. – Чтоб тебя черти живьем сожрали!»

Удар о воду оказался сам по себе неприятен. Соленая жидкость сразу устремилась в ноздри, уши, попыталась прорваться через плотно сомкнутый рот. Еще и по пяткам что-то тяжеленное ухнуло:

«Кажется, гантель с полным набором дисков не пожалели...»

Толку с такой прозорливости? Прицепленный груз тут же развернул тюк с кандидатом в покойники ногами книзу и потянул в глубину. Причем быстро потянул, уши стало закладывать от нарастающего давления.

Наверное, каждое живое существо, если оно не сошло с ума, хочет жить. А уж когда оно в бешенстве и готово сражаться до самого последнего удара сердца, то и силы вдруг появляются невероятные, немыслимые при обычной ситуации.

Роман Григорьевич Ландер, он же мистер Рубка, очень, очень хотел жить. Хотя бы только для того, чтобы вернуться и отомстить подлому старикашке и его подручным убийцам. Вот он и начал извиваться с такой силой, что казалось, никакие путы не выдержат. Только неразумный ковер не знал, что такое путы, а его тупая прочность не могла поддаться на разрыв даже усилиям легендарного Геракла.

Зато... Зато сама скатка постепенно разматывалась, раскручивалась пронесшимся вверх потоком воды! Вначале ослабло давление на плечи, а потом пленник с ликующим восторгом ощутил, что выскользнул все-таки из плотного плена. Только вот ликовать было явно преждевременно: как только тело избавилось от ковра – скольжение в глубины еще больше ускорилось. Груз-то ведь никуда не делся! Еще и обе ноги оказались плотно сжаты капроновым шнуром.

Изогнувшись буквой «зю», Роман принялся лихорадочно развязывать напутанные узлы. При этом он уже понял, что не успевает, слишком быстро его затягивало на глубину. Но именно это его вдруг резко успокоило. Ведь проклинай не проклинай виновников своей трагедии, толку от этого не будет. А вот чрезмерные эмоции или несогласованные действия рук ведут лишь к излишнему перерасходу кислорода в крови. Да и вообще, всем, кто ныряет на глубины, нервничать вредно. У тех же аквалангистов запас дыхательной смеси расходуется на добрую треть быстрее, когда они поддаются буре впечатлений.

Помогло! Пальцы все-таки распутали узлы, и капроновый шнур хлестко ушел вниз, увлекаемый набором спортивной атрибутики. Только вся беда заключалась в том, что дышать уже было нечем, а еле сереющая поверхность океана казалась невообразимо далеко, словно звезды на ночном небе.

И опять паника не сломила утопающего. Тем более что у него имелся отличный способ для отрешения от всего мира. Использовался этот способ после усиленных тренировок, для полного расслабления и релаксации. У каждого своя система, но Роман просто применял четкий, сосредоточенный отсчет. Вот и сейчас начал, попутно работая руками и ногами для интенсивного всплытия:

«Раз... Два... Ерунда ведь для меня, всего лишь досчитать до тридцати! Три... Четыре... Уж такой короткий отрезок времени я издохну, но выдержу без дыхания!.. Пять... Шест... Мама! Неужели в самом деле издохну?.. Семь... Восемь... Не думать! Только считать! Девять, десять... Громче! Громче считать!.. Одиннадцать!..»

Выдержал. Досчитал. Но когда прозвучало в голове набатом вожделенное «Тридцать!», сереющая поверхность океана все еще оставалась смертельно далека.

«Ерунда! До десяти еще легче досчитать!.. Раз!.. Два!..»

К концу этой коротенькой (как бы!) считалочки стала теряться ориентировка в пространстве. Показалось, что тело не всплывает, а просто движется в толще вод, параллельно поверхности. Готовый вот-вот взорваться мозг пытался навязать одно-единственное действие: «Вдохни!» Конечности стали неметь. Всплытие – замедляться.

Лишь последние остатки воли выдали команду:

«Теперь осталось самое простое: досчитать до пяти. А там уже как будет... Раз!.. Два!..»

Когда и эта последняя поблажка силе воли завершилась, затухающее сознание родило вообще абсурдную мысль:

«Зачем вообще дышать? Этак еще раз до тридцати досчитаю, и у меня жабры появятся...»

Жабры не появились. Зато в следующий момент голова вырвалась из водной среды и легко вонзилась в воздушное пространство. После чего мозг отключился на какое-то неизвестное время. Тело само, инстинктивно, судорожно хватало воздух, откашливалось, отплевывалось, сопело и судорожно вздрагивало. И, наверное, только через полчаса подало кислород в крови туда, где у человека зарождаются мысли. Потому-то первые мысли являлись лишь простой констатацией фактов:

«Надо же! Уже солнце взошло... И лайнер, железяка хренова, куда-то уплыл... А интересно... – проклюнулся иной интерес. – М-м?.. Здесь есть акулы?..»

В Карибском бассейне этих хищниц хватало, хотя и там туристы за борт особо не приглядывались. В Тихом же океане вроде как течения в его восточной части более холодные, акул много быть не должно, но... Становилось до смеха обидно, стоило только представить:

«По голове били, не добились. В ковре душили – не удушили. Топили, топили – не утопили. А тут пришла лиса, хитрая акуля морда, и съела колобка?..»

Смекалка тоже заработала, выстраивая логическую цепочку:

«Надо от акул чем-то защищаться... А чем?.. Если нечем... Тогда надо хотя бы прикрыться!.. А чем? Да хотя бы тем же ковром!.. Блин! А где же он?!..»

Страдалец, отыскав в себе новые силы, попытался несколько раз выскочить из воды по грудь, осматриваясь вокруг. Но как ни старался, ничего плавающего на поверхности не заметил. Как и понял непреложную истину, что ковер утонул, дельфином ему не стать, те же дельфины на помощь не приплывут, до берега не доплыть, лодку потерянную не отыскать и рыбу зубами не поймать. Следовало только уповать на частые проходы кораблей по этому маршруту и отсутствие на этом маршруте вечно голодных акул.

Что еще обидно было: ничего больше сделать было нельзя. Приложил невероятные усилия – выплыл. А вот дальше уже, как Фортуна распорядится: то ли спасательный корабль пришлет, то ли стаю акул вовремя в другую сторону отправит.

«Да чего там стаю? Мне и одной хватит... Тьфу! Тьфу! Тьфу!»

Напрыгался, нанырлся – устал. Лег на спину, пытаюсь отдохнуть, и вскоре отметил два фактора. Один плохой, второй – странный.

«Вода-то холодная! Сколько можно в такой пробыть, прежде чем очокуриться от переохлаждения? И ладно еще днем, под солнышком, а ведь ночью точно кони двину! – так рассуждал о первом. Второй фактор все-таки выглядел скорей позитивным: – Океанская вода – излишне соленая, вон как выталкивает на поверхность!.. И все-таки непонятно, почему так сильно?.. Да еще и область тазобедренного сустава... Хм! Странно! Это мои шорты такой повышенной плавучестью обладают?.. Блин! Да там же у меня в кармане блямба бронзовая с цепурой!..»

Поражаясь, как это он о ней не вспомнил и не выбросил сразу лишнюю тяжесть, Роман забрался в карман и вытащил прихваченный у предателя залог на свет божий. Причем подняв его рукой над поверхностью, ощутил вполне привычную тяжесть:

«Обен де роуд! Это же грамм четыреста меня на дно тянули! – Уже намереваясь откинуть в сторону неуместный предмет, он ухватил пальцем за цепочку и собрался швырнуть со всей силы. Даже крутанул трофей с ускорением, чтобы тот улетел как можно дальше. И только чудом не упустил в последний момент: – Стоп! Держать!.. Уф... ну я и лопух!..»

Идея применить тяжелую блямбу как минимально возможное оружие пришла вовремя. Потому как вспомнилось, что у акул самый чувствительный, ранимый участок на теле – это

нос. И если хорошо раскрутить, да со всей дури заехать хищнице по харе весомой древней поделкой, то вдруг это и отвадит непрошеную гостью?

Спорно. Зыбко. Ненадежно... Зато хоть что-то.

Потому что пластиковая карточка в другом кармане, служащая ключом в номер, вообще ни на что не годилась. Легкие кеды скорей всего утонули вместе с тяжелой гантелей. Майка?.. Ну хоть защитит вскоре от жгучего тропического солнца.

Часы на руке... Ну слава богу, хоть их убийцы не сняли. Видимо, не догадались об их высокой ценности, несмотря на внешний вид под китайскую подделку. Или побоялись снять, догадываясь о возможном поиске по ним? Водонепроницаемые, противоударные, многофункциональные, имеющие уникальный экран и фактически являющиеся мини-компьютером. С их помощью можно было даже входить в Интернет, заходить в аккаунт одной из сетей и давать сообщения. Только вот где в безбрежном океане отыскать тот самый Интернет? В любой точке лайнера и даже на порядочном расстоянии от него Wi-Fi имелся. Но не сейчас, когда многопалубный гигант ушел за горизонт. Наличествовал также GPS-модуль, но! Он-то сигналы спутника ловил, свое местоположение определял и как доплыть к Японии мог подсказать, а вот сам выйти на связь со спутником не мог!

К сожалению...

И так хозяин ультрасовременного девайса удивлялся, что часы действовали после такого экстремального погружения. Изготовители гарантировали пятьдесят метров глубины, не нарушающие работу устройства, но ведь совсем недавно чуть не произошла трагедия с фиксацией гораздо большей глубины. И этот факт почему-то не вызывал сомнений.

Уложив медальон с цепью на груди, Роман проверил работу часов, почистил динамик вибрацией бокового колесика, отыскал на радио вполне четкую волну с музыкой и попытался хоть в этом обрести какое-то моральное удовлетворение. В самом деле, получилось поднять себе настроение. Уже через четверть часа вернулся присущий в любой ситуации оптимизм и вера в себя.

«Продержусь! И какой-нибудь корабль обязательно меня подберет! – Но именно последние слова в мысленных восклицаниях изменили поток рассуждений: – Корабль... А ведь ему не обязательно пройти на расстоянии вытянутой руки... Он может вдали проползти, так что меня и не заметят с борта, и не докричишься... А там может оказаться Wi-Fi, и вот тогда мои часы станут истинным спасением. Только и надо, что экономить заряд батареи, чаще посматривать по сторонам и прислушиваться... Точно! Вдруг гудок услышу?»

Совокупность всех этих размышлений привела к выключению радио, а затем и резкому приведению тела в вертикальное состояние. Движение спровоцировало падение амулета в воду, о котором расслабившийся пловец совершенно забыл. Цацка громко плюхнулась о воду и...

Уже готовый нырнуть за своим единственным оружием, Ландер так и замер на полу-вздохе. Потом все-таки задышал, пытаясь сообразить, с какой это стати у него так рано начались галлюцинации? В голову напекло? Глянул на солнце, оно только на одну пятую приподнялось над горизонтом. Смочил водой на всякий случай свою короткую шевелюру. И опять уставился на подрагивающую, качающуюся на водной поверхности и чуть отплывающую в сторону кустарную поделку из пушечной бронзы. Именно! Та – плавала!

Да еще как плавала! Что цепь, что блямба погружались в соленую жидкость только одной шестой частью примерно. Почти как изделия, созданные из пенопласта. А ведь совсем недавно трофей весил внушительно и совсем не казался надутым.

«Могла поделка утонуть, а после себя оставить этакий мираж? – решил Роман посоветоваться с внутренним голосом. – Не могла! Почему же тогда она плавает? А потому что хочет! Хм... но почему оно так хочет? Да потому что все, что от Бори Сенина, – не тонет!»

Логика внутреннего голоса убивала. Но иных вариантов придумать не удавалось. Чуть проплыв, Григорьевич вначале провел руками под водой. Мало ли, вдруг некий прозрачный кубик рядом плавает? Или аквариум с лайнера сбросили? Там их много было, даже слишком...

Увы, опоры снизу не было. Тогда, пусть и с некоторой опаской, амулет пришлось хватать рукой. И очередное изумление: бронза как бронза! И вес прежний! Солидный! То есть не тонуть изделие не могло. Но!..

Опять брошенное на воду, оно повело себя так, словно обладает сверхплавучестью.

– Что за фигли-мигли? – уже вслух пробормотал он, приободрив себя звуком собственного голоса. – И даже совсем не обен де роуд! А что тогда?

Провел серию экспериментов. Подбрасывал амулет вверх. Топил его ногой как можно глубже. Бил им по плоскости воды хоть так, хоть этак. Результат оставался прежним: несуразное изделие тонуть не собиралось.

Сразу припомнился и момент странного подвсплытия тазобедренной части тела, облаченной в шорты. То есть изначально тяжелый по сути предмет не тянул на дно, а наоборот, помогал всплывать. А почему так? Неужели именно из-за соленой воды амулет вдруг проявил свои уникальные, загадочные свойства?

Роман постарался припомнить, плавал ли он в шортах в бассейне с океанской водой, который имелся на палубе лайнера? Получалось, что не нырял. Всегда снимал шорты, оставляя их на лежаке, и нырял в плавках. Значит?..

«Да ничего это не значит! – стало накапливаться раздражение от нерешаемой задачки. – Бронза не может плавать – и баста! А если допустить, что все-таки может, – то, значит, это не обычная бронза, а... а волшебная. Или колдовская? Или сатанинская? Или... блин! Сейчас мозги закипят!.. М-м?.. Зато не замерзну...»

Да и солнышко стало так припекать сверху, что холодная вода уже не казалась чрезмерно бодрящей. А к обеду положение только ухудшилось. Солнечные лучи пытались ввинтиться в голову, словно раскаленные штопоры. И это еще благо, что турист успел за предыдущие дни круиза основательно так забронзоветь, частенько подремывая днем на лежаке возле самого бассейна. Иначе непривыкшая кожа уже покраснела бы, как у вареного рака, а к ночи пошла бы волдырями. Все равно пришлось снимать майку, накрывая ею не только плечи, торчащие из воды, но в первую очередь голову.

Но все это, как и размышления о странном амулете, крутилось на втором плане сознания. Самым важным казалось вовремя обнаружить корабль и плыть в его сторону. Увы, ни единого судна, как ни высматривал, обнаружить не удалось.

«Выходной у них сегодня, что ли?»

И уже во второй половине дня стала нарастать неизбежная жажда. Страшная жажда, всепоглощающая! Если, утопая, можно выплыть и дальше как-то бороться с водой, то вот умирая от жажды в океане – напиться нельзя. Разве что один только раз, ускоряя собственную смерть.

Опять стала одолевать паника, с которой приходилось бороться уходом в вымышленный мир экономического и семейного благополучия. Благо, что вспомнить кого и при каких обстоятельствах – хватало.

Примерно к полднику мистер Рубка нашел себе занятие на добрых полтора часа. А именно: решил составить сообщение и поставить его на отправку. Да не одно сообщение, а несколько. И в каждом довольно подробно пострадавший описывал главного виновника покушения на себя, его подручных и сам способ. Пусть мизерный шанс, но имелся, что даже после смерти Григорьевича у его подлого обидчика возникнут неприятности.

Потом солнце стало садиться, и резко похолодало. Пришлось надевать майку на тело.

– Не иначе как наш поток вклинился в более холодное течение! – бормотал пловец, время от времени делая резкие разминочные и согревающие гребки. – И до островов отсюда ох как

далеко!.. Правда, и на них ничего хорошего: голые, мрачные скалы, обгаженные чайками... Я сказал, голые! И обгаженные!!!

Но как он себя ни настраивал, как ни кричал, как ни давил неуместные картинки ауто-тренингом, все равно перед глазами (что закрытыми, что открытыми) четко виднелись скалы, поросшие буйной зеленью и разрезаемые частыми, искрящимися водопадами чистой, питьевой воды...

Водопадами... Воды... Воды-ы-ы-ы!..

И горло сорвал, то ли от крика, то ли от сухости.

Как наступила безлунная ночь, одуряющий от жажды Роман и не заметил. Просто очнулся в какой-то момент, уставился раскрытыми глазами в звездное небо и понял, что конечности замерзли напрочь. Ни одним пальцем пошевелить не удалось.

Зато уши, погруженные в воду, вполне отчетливо расслышали странные звуки: шум срывающегося водопада, скрип досок и шлепки весла о воду. Также послышалось одно, потом второе неразборчивое слово, сказанное женским голосом.

«Ладно, с водопадом явно постаралась моя нарушенная психика, – все-таки мозг оказался в состоянии выдавать дельные мысли. – Их в океане не бывает. А со скрипом? Это мои кости так трутся друг о друга? Скорей это напоминает натужный скрип векового дерева под шквальным ветром. Но ветра нет... Что со шлепками? Все-таки очень похоже на удары весла по воде. Но тогда почему весло всего одно? Второе потерялось? И где-то рядом кто-то в шляпке, потерпевшие кораблекрушение? Вполне логично... Сюда и голос женский вписывается. Учитывая, что никаких островов или островитян рядом быть не может, то у меня появляется шанс... Надо только крикнуть... Громко...

Увы! Губы удалось с трудом лишь расклеить от сковавшей их соли. А вот ни единого звука горло издать не смогло. Даже шепот или хрип не получился. Только шумное дыхание, словно у старого астматика, унеслось вверх, к звездам.

Да и к звездам ли? Их словно стирал кто-то с ночного неба, и буквально за минуту все сверху оказалось скрыто в тумане. Станный туман коснулся и лица, не столько увлажняя его, как обволакивая противным, липнущим паром.

Зато удалось пошевелить правой рукой, на кисть которой уже давно, в три обхвата, была намотана цепь с блямбой. Рука приподнялась, потом обессиленно вновь плюхнулась в воду. Ну и пальцы скорей судорожно, но сжались на вложенном в ладони медальоне. В следующие мгновения сознание только урывками фиксировало происходящие события.

Шум водопада резко, словно рывком, приблизился. Тело качнулось, накренилось, куда-то словно провалилось. В зрачках раскрытых глаз замелькали странные сполохи. Затем создалось впечатление, что тело понесло по бурунам быстрой, горной реки. Стало еще холодней, хотя казалось, что дальше некуда.

Скрип стал сродни раскатам грома. Шлепок весла раздался так, словно то опустилось возле самой головы. Ну и женский голос, злобный, раздраженный, наказующий, взорвался словно бы внутри головы:

– Еще один труп? И откуда только взялся?.. Еще и не растворенный?.. Подцепите его и кидайте в лодь!

Тут же словно два языка жидкой лавы вонзились в правое плечо и в левое бедро болтающегося в волнах утопленника. Жуткая боль в местах удара просто обязана была вызвать вопль или еще что пострашней. Наверное, убить моментально. Роману хотелось завопить (еще как хотелось!), но голова (как и все тело) оставалась замороженной и обездвиженной. Кажется, даже дыхание куда-то исчезло.

Рывок, только усиливающий боль, и тело, выдернутое из воды вверх, плюхнулось на что-то теплое, скользкое, желеобразное и мерзко шевелящееся. Самое близкое сравнение, которое запомнилось, словно свалился в яму, полную лягушек или жаб.

Затем скрип продолжился. Раздались новые шлепки. Голос замолк.

А вот странное тепло, идущее от холоднокровных лягушек, вдруг стало не просто согреть, а словно прожигать внутренности, будить их какими-то рентгеновскими, но все-таки спасительными лучами. Минута так прошла... Вторая... И неожиданно Роман почувствовал себя настолько хорошо и уверенно, что решил не только голову поднять, но и всем корпусом усесться в неверном, желеобразном окружении.

«Ну не могу я оказаться среди лягушачьих тушек! – убеждал он сам себя. – Скорей всего, вокруг меня рыба, причем с вырезанными внутренностями. Вот крови и натекло, и при определенной реакции даже холодная кровь может согреть. Или мобилизовать?..»

Где-то с третьей попытки сесть у него получилось, как и рассмотреть, что вокруг творится. Вроде вокруг – быстро текущие речные воды. Берега не видно из-за густого тумана. Само судно выглядит как невероятно длинная, метров двенадцати, лодка. Если не пятнадцати. Шириной она метра три. Борта очень странные, покрытые сверху широкой, сантиметров в тридцать, доской. На этих досках стоят какие-то приземистые лилипуты (или пигмеи?), по два на каждом борту. В руках у каждого багры, со штырем и крюком.

«Неужели это меня таким багром из воды выловили? – несколько отстраненно подумал. – Так я же сейчас кровью истеку!»

Что еще удивляло, так это бесшабашная смелость пигмеев и их небывалое проворство. Несмотря на толчки, рывки и резкий крен лодки, петляющей по маршруту, они сохраняли равновесие и ничего не боялись. Словно стояли на береговом пирсе.

А вот все остальное выглядело совсем уж кошмарным. Ближе к корме лодки, на банке, стояла увитая мышцами женщина. Чуть ли не голая, она скорей напоминала перекачанную стероидами культуристку. На бедрах повязка и несколько сумок, под цвет ткани. Некий кусок ткани поддерживает грудь. Но тяжеленное весло в ее руках смотрелось как невесомый веер. Оно так и порхало с борта на борт лодки, то притормаживая ее резко, то разворачивая, то рывком направляя вперед. В полутьме и в тумане не совсем удавалось рассмотреть глаза женщины, но, кажется, они были без белков и слишком уж несуразно светились.

Дежавю? Именно об этом напомнил зажатый в руке амулет: как раз на нем и была грубо запечатлена эта самая женщина и эта самая лодка. Разве что пигмеев с баграми древний кузнец не учитывал.

И только напоследок Ландер постарался рассмотреть вещество, в котором он сидит, погрузившись чуть не по плечи. Это оказались спаренные между собой и смотрящие в разные стороны... глаза! Чтобы поверить в увиденный кошмар, пришлось несколько раз сморгнуть и потрясти головой. Но несуразные образования так никуда и не делись. Ими оказалось заполнено все внутреннее пространство лодки, по самые борта.

Каждая пара – разные, словно вынутые из одного человека. Из мужчины или из женщины. И все они теплые... Разных цветовых оттенков... Явно живые... Или только недавно как вынутые из живых тел!

«Это я очнулся в предсмертном кошмаре? – стал догадываться Роман. – Ужас-то какой! Так и поседеть можно!.. И вообще... предупредить надо!..»

Чисто произвольно он левой рукой подхватил одну пару глаз зеленого оттенка и поднес ближе к лицу. Захотелось посмотреть, что это за чудо дивное. Посмотрел. И еле сдержался от произвольного вопля! Вроде как смотрящие в разные стороны глаза повернулись на человека и устались явно на него.

«Обен де роуд! Да они живые?!» – вначале мысленно проорал Ландер. Потом содрогнулся всем телом, размял немного губы и постарался высказаться вслух:

– Что за кошмар здесь творится?!

Получилось. Голос раздался громко, басисто, словно и не был сорван недавно в попытках докричаться к госпоже Фортуне.

А вот реакция всех персонажей данного кошмара на крик человека оказалась неоднозначной. Женщина всем телом дернулась так, что чуть не уронила свое весло. Затем опасно пошатнулась, пытаясь вновь поймать шаткое равновесие и балансируя своим веслом, как цирковой канатоходец. Тут же дно лодки ударилось о какой-то валун и так дернулось в сторону, что оба пигмея по левому борту рухнули во всколыхнувшуюся массу спаренных глаз.

Те пигмеи, что стояли по правому борту, возле которого и человек восседал, удержали равновесие, только взмахнув для противовеса своим противопожарным инструментом.

Ну а дальше обозленная рулевая заорала в таком гневе и настолько громко, словно хотела растоптать, разорвать, растерзать лишь одним звуком:

– Да он живой?!. Убейте его! Скорей!!

Оставшиеся на борту пигмеи дружно замахнулись своими баграми. Человеку показалось, что ему сейчас как минимум проломают череп, ну а потом уже выдавят оба глаза. Потому-то и метнулся резко к борту, стараясь просто перевалиться через него. И только взвизгнувшая интуиция сумела его предупредить о смертельной опасности. И он скорей симитировал свой бросок за борт, тут же отстранившись обратно.

Один багор ударил в то место, где должна была оказаться голова беглеца. Но так как прошел мимо, бравый пигмей резко провалился вперед и рыбкой упал в воду. А вот второй пигмей метил в корпус человека. Его острый конец багра вонзился в доску, откалывая от нее солидную щепу.

Дольше уже мешкать и делать ложные движения не следовало. Из желеобразной массы уже почти встали ранее упавшие лилипуты, да и в руках у женщины оставалось ее тяжеленное весло, которым она довольно лихо начинала замахиваться.

Уже окунувшись в воду, мужчина услышал удар о борт сзади себя сразу трех багров и мощный шлепок весла об воду. Нырнул глубоко, каждый момент ожидая уткнуться головой в валун. Но что его в тот момент обрадовало, прямо до дрожи в конечностях, так это понимание:

«Вода-то пресная! Ха! Можно напиться! – Потом слегка насмешившая мысль пронеслась: – Потом можно и умирать! Или все-таки догрести вначале к берегу? – Водовороты и завихрения вокруг стали резко стихать. – Знать бы только, где берег?.. И вынырнуть бы незаметно сразу среди камней?.. Как я в далекой юности умел... На нашей деревенской речке...»

Стало совсем спокойно вокруг. С какой-то нарастающей силой усилилось освещение. И резко, ну очень резко потеплело.

Роман раскрыл глаза и довольно хорошо рассмотрел в мутной, речной воде хорошо знакомые с самого детства валуны.

«Ну вот, кошмар продолжается! Наверное, я уже на том свете и передо мной стали мелькать воспоминания всей моей жизни», – подумал он и, уже почти ничему не удивляясь, вынырнул из знакомой реки, текущей под ласковым предзакатным солнышком.

Глава 3

Желание определиться

Речка и в самом деле знакомая оказалась. Та самая! Из детства! Из того времени, когда их деревня еще не стала поселком, разрастаясь чуть ли не до самого города. Отрезок для купания – самый любимый с детства. Вон с той скалы можно прыгать с разгона в воду. А на тех валунах можно улечься и погреться, когда губы уже становятся мертвенно-синие от длительного купания.

Стоя по пояс в воде, Роман Григорьевич Ландер в недоумении озирался по сторонам. Ему вначале показалось, что он вернулся не просто в свое детство, но и в свое детское тело. Но, присматриваясь, легко заметил все приметы нынешней современности. На левом, противоположном берегу, чуть ниже по течению, виднелись новенькие коттеджи жилищного кооператива. Когда Ландер посещал малую родину два года назад, то дома еще только строились. Сейчас они выглядели жилыми и вполне ухоженными. На улочке виднелось несколько автомобилей самого современного вида. В поле пахал трактор германского производства, узнаваемый издали.

Затем наступила очередь осмотра собственного тела. Вроде как свое, идентичное прожитому возрасту, но оно лишнее раз натолкнуло на мысль о каком-то странном послесмертии:

«Если это – я, то почему я здесь, а не там?»

Но попытки разобраться в отличии «там» и «здесь» привели только к резкой головной боли. Одна боль напомнила о других: порядочно зудело правое плечо (ближе к лопатке) и левое бедро с тыльной стороны. Именно те места, куда вонзились багорные крюки. Непосредственно глянуть на раны не получилось, зато удалось прекрасно рассмотреть самого себя. Все то же самое, что чуть не утонуло в Тихом океане. Те же шорты, та же майка, в районе живота которой торчала пронзившая ткань щепка, ниже которой виднелось быстро подсыхающее пятно крови. Та же цепь, намотанная на запястье, и медальон, зажатый в правой ладони. Те же глаза, все еще зажатые в левой...

«Глаза?! – Полная абсурдность данного трофея напрочь перебила несуразность и неадекватность последних событий, непонятного спасения и неправдоподобного перемещения на малую родину. – Что за гадость?!»

Неизвестно, сколько времени Ландер стоял, держа на раскрытой ладони гротескное мини-чудовище, и пялился на него. А спаренные глаза пялились на него.

Долго пялились.

Но на этом диковинные странности, пытающие сломать мозг, не закончились. Дальнейшее вообще повергло Романа в шок. Потому что у него в голове явственно и четко раздалась мысль постороннего существа:

«Никакая я не гадость! Вообще-то... Просто обычный человек, но уже умерший. Вот... А то, что у тебя на руке, это все, что от меня осталось... – странное общение на минутку прервалось. Видимо, некто дожидался определенной реакции своего похитителя. Не дождавшись, существо удивилось: – Неужели тебя накрыло полным сумасшествием? Хотя люди еще и не от такого крышу теряют... Да и с водой поосторожней, грязная небось... Эй?... Как-то ни одной твоей мысли расслышать не могу...»

Наверное, еще с минуту прошло, прежде чем Ландер вернул самообладание и сподобился рассуждать и думать логично. При этом он перво-наперво пресек необдуманные действия правой руки. Ибо ладонь разжалась, выпустив блямбу, и довольно резво черпала воду, поднимала ее вверх и выливала в жаждущий рот. То есть пока мозги отключились, тело само утоляло жажду.

А водичка-то в самом деле не ахти! Это в далеком детстве она здесь почти всегда была чистейшая, прямо бочками в дома возили. И то тогда рекомендовалось ее вскипятить перед употреблением. Сейчас же она выглядела мутной, имела не совсем приятный запах и совсем уж странный привкус. Ну да, пресная, условно питьевая. После целого дня умирания в соленой морской рапе река казалась неопишущим благом. Но стоило помнить о дизентерии и химическом отравлении.

«И ладно с водой-то, даст бог, не помру, – размышлял Роман, машинально выдергивая длинную щепку из майки, медленно выходя на берег и усаживаясь на первый небольшой валун. Коленки почему-то дрожали, того и гляди надломятся. Но мысли стали четче: – Да с недавним кошмаром в той лодке вроде как можно разобраться, приняв за бред умирающего человека. Если бы не эта щепка... Еще и меня поцарапала до крови! Но как разобраться с этим странным переносом? И самое главное: что делать с этими глазками?.. Выкинуть их в воду?.. Или забросить на берег?.. Ну не могут же они в самом деле со мной общаться!..»

«Окстись, парень! – опять раздался чужой голос в голове. – И думай хоть немножко! То от тебя ни единой мысли нет, то сразу какие-то кровожадные возникают, как у маньяка».

«Э-э... в смысле, кровожадные?..»

«Ну вот ты меня бросишь или уронишь, – продолжил незнакомец, – лишишь тепла своей руки, я и умру. Окончательно... А ведь раз я мыслю и умею даже общаться с тобой, значит, эта моя частичка остается олицетворением всего моего разума, всей моей души и всей моей каким-то чудом сохранившейся сущности. Вот и ты, как человек разумный, просто обязан теперь как-то со мной разобраться, уберечь от порчи и помочь определиться во всем происходящем».

«Все равно не понял, – тупил Ландер, не сводя взора со странного трофея. – Что значит помочь? Почему не наоборот? Скорей это тебя... м-м... или вам надо объясниться. Потому как создается у меня такое впечатление, что ты сам не знаешь, кто такой?.. Или что такое?..»

«Как тебе сказать... Может, и не знаю с уверенностью, а только догадываюсь, – продолжило мысленный диалог неведомое создание. – Но давай я тебе поведаю все, что помню и что сумел понять в последние несколько часов...»

И довольно быстро двуглаз, возлежащий на ладони у Романа, поведал нечто мистическое и несуразное. Мол, сравнительно недавно он (а может, *оно* – чудо дивное?) еще был вполне живой, пусть и страшно старой особью мужского рода. Особь имела фамилию Шенгаут, называлась Никита Трофимович и умерла на девяносто первом году своей бурной, насыщенной приключениями жизни. Причем господин Шенгаут умер не от старости или болезни, а от яда, подложенного ему в пищу. Ибо, несмотря на свои преклонные года, очень и очень мешал кому-то своим затянувшимся существованием. Догадки о личности отравителя у преклонного годами старца имелись, но без особой конкретики.

«Да и на кой мне эта конкретика нужна, если я уже умер? – риторически восклицало образование из двух глаз. И продолжило повествовать о своем послесмертном существовании: – Умер я с жуткими желудочными коликами, но когда мучения окончились, почувствовал огромное облегчение и оказался в состоянии свободного падения. Долго падал в полнейшей темноте, но при этом четко ощущая свое брэнное, старческое тело. То есть руками ощупывал лицо и все, что угодно. Свиста ветра не заметил, ну и примерно через час несколько абстрактного, нереального времени понял, что мое тело стало растворяться. Примерно еще через два часа от меня не осталось ничего, кроме остаточного ощущения, что я могу видеть. Как бы... Потом вокруг появился призрачный, еле светящийся туман, в который я опустился. Туман резко пропал, во все стороны широко раскинулись гигантские пространства с расположенными на них строениями. Вид, форма и состояние строений – словно там смешались все эпохи, начиная от древнеримской и оканчивая диковинными башнями и небоскребами космических цивилизаций...»

«То есть тебя вначале в рай занесло?» – не удержался Роман от уточнения. За что получил замечание:

«Не перебивай старших! Пока саму суть рассказываю... Вот. В центре этого не то гигантского города, не то забытых декораций виднелось небольшое озеро, со дна которого вздымался не просто фонтан воды, а именно выбивался наверх поток бурной, подземной реки. Видна была вытекающая из озера чернеющая лента воды. Ну и лодь оказалась хорошо заметна, как бы в небольшой бухточке озера. Вот именно в лодь я довольно мягко упал, ощутив собой нечто теплое, скользкое и желеобразное. После чего сумел извернуться еще раз как-то странно, зрачками вниз, и рассмотреть, в чем это я лежу...»

По его утверждениям, Никита Трофимович долго не мог поверить, что вокруг него колышущаяся масса спаренных глаз. Те вращались в разные стороны, не имея возможности вырваться из продолговатой оболочки, и даже пытались общаться. Но никаких упорядоченных мыслей, а уж тем более звуков расслышать первое время не удавалось. Получался недовольный, возмущенный ропот – но и только. При этом на заднем плане этого ропота уже отчетливо слышался шелест и ворчание клекочущей воды.

Далее ощущение времени стало теряться, но в какой-то момент Шенгаут с ужасом понял, что он и сам собой представляет точно такое же двуглазое нечто. Абсурдность окружающего повергла в шок. И дальше как-то действительность воспринималась отстраненно, словно являлась истинной абстракцией. Причем больше всего удручало (но не фатально) отсутствие возможности двигаться и как-то общаться с себе подобными дельтангами.

«С кем, с кем?» – стала просыпаться в Романа способность к анализу.

«Дельтанги – это такие, как я, – продолжил общение отравленный старец. – То есть два моих глаза в единой, прочной оболочке. Но это я услышал позже... А вначале я сообразил, что постепенно сверху накапливается толща иных, падающих откуда-то глаз. И чем больше становился этот слой, тем большая умиротворенность и благость на меня снисходили. Стало значительно теплей, появилось ощущение безопасности. Ропот вокруг тоже стихал, благодаря чему удалось конкретно кое-что услышать и кое-что понять. Пусть слабо, но до меня стали доноситься отголоски мыслей иных дельтангов. И я стал различать цвета...»

Мысли оказались самого разного спектра. От холодно-равнодушных: «Мне хорошо, я засыпаю!..» до яростно-панических: «Я – умер?! Будьте вы все прокляты!» Среди последних воплей как-то терялись попытки общения. Причина: отсутствие ярких эмоций при «тихом» разговоре. Но постепенно общение становилось возможным, хотя в нем и превалировал главный вопрос:

«Что это с нами случилось и в кого это мы превратились?»

Много было таких: «А ты кто?», «Почему я тебя понимаю?», «В чем отличие наших световых оттенков?»

Как успел догадаться усопший Шенгаут, цвета глазных двоек имели важное значение. Вернее, не важное, потому что умершим по большому счету на все плевать, но именно цвет каким-то образом сразу определял моральную суть и характер усопшего человека. Спокойные оттенки принадлежали уравновешенным личностям; яркие или слишком насыщенные – скандальным, желчным и обозленным типам. Более тщательно разобраться в сочетаниях «цвет – характер» Никита Трофимович не успел.

А потом вся окружающая его масса качнулась, враз замолчав, и послышался женский голос:

– Лодь полна, отправляемся! – Властность в голосе и командные нотки подавляли, заставляли затаиться даже мысленно. – И те остатки тел вокруг подберите! Пусть растворяются прямо в общей массе дельтангов.

Колебания не только продолжились, но и разбавились частыми перепадами давления желеобразной массы глаз. От тех, кто оказался в верхнем слое, донеслись разрозненные, ментальные, если можно так назвать, крики:

«В лодку, прямо на нас какие-то пигмеи затягивают баграми куски тел! Куски мерзкие, противные, но крови нет... Куски истаивают очень быстро!.. А после них остаются такие же, как мы – дельтанги! И женщина... Она страшная! И правит лодкой! А пигмеи к ней обращаются...»

– Несравненная Харон! – Это обращение и все остальные усопшие души слышали.

Как следствие, услышанное имя вызвало очень и очень бурные обсуждения среди массы разноцветных двуглазов. Причем самую суть нынешнего состояния все поняли и осознали правильно: «Мы умерли. Наши бранные души сейчас перевозят по реке Стикс. И вскоре мы окажемся в потустороннем мире!»

Грамотные подобрались... Или это все знают?

А вот спор начался по поводу имени и странного пола личности, управляющей лодью. Подавляющее число знатоков истинно веровали, что Харон – это мужская особь. Этаким злобный, неподкупный старец, охраняющий границу между живыми и мертвыми. Еще было известно, что назад дороги нет для умерших, а за перевоз полагается чем-то оплатить. Только ни с кого плату не брали, что уже само по себе заставляло сомневаться в правильности древней легенды. Больше всего смущал тот факт, что умершие выглядят совершенно не по канонам древних легенд. Тел не было, от слова – вообще!

Как в таком случае можно рассуждать о возвращении в мир живых?

Ну и нашлись такие умники, которые заявляли:

«А кто из вас раньше лично видел перевозчика через Стикс? Почему он должен быть мужчиной? Что за фобия? Или это женоненавистничество?..»

Наверняка эти дельтанги раньше принадлежали феминисткам.

Чуть позже четко послышался новый рык несравненной Харон, которая удивилась трупы плывущему по реке и заставила пигмеев забросить тело в лодь. Дельнейшее Роман Ландер уже и сам все прекрасно видел, слышал и помнил. Жаль, что никакие умения мыслить логически не помогли правильно интерпретировать случившееся.

Вот он и стал задавать вопросы вслух, хотелось хоть свой голос услышать и лишний раз удостовериться в его реальности:

– Вроде как я тоже умер... Утонул?.. Или просто замерз в холодной воде?.. Меня ведь одни твари за борт корабля бросили. И это... там в Тихом океане сейчас вроде как утро, а здесь, на моей малой родине, солнце скоро сядет. В итоге получается, что время стабильно... А вот все остальное сплошная загадка: перенос в Заволжье, вот эта щепка, ну и ты... хм, Никита Трофимович!

Он сделал движение кистью, намереваясь забросить щепку в реку, но был остановлен ментальным вскриком:

«Стой! Не смей выкидывать! – И тут же дельтанг пояснил свои эмоции: – Не знаю, зачем пригодится этот обломок доски, но от него такое благодатное тепло идет! М-м!.. И еще мне кажется, что без этого тепла мне совсем плохо станет...»

Все еще поражаясь абсурдности ситуации и дикости ведущегося диалога, Роман вспомнил про медальон на цепи. Ведь щепку, длиной сантиметров в двадцать пять, он держал в правой руке, на которой и цепь висела:

– Может, тепло исходит вот от этой штуковины? Не удивлюсь, если она окажется каким-то артефактом внеземного происхождения. Да и что-то мне подсказывает, что спасся я именно благодаря этому изделию из бронзы.

После чего поводил щепкой над левой ладонью, затем блямбу качнул несколько раз. Вывод двуглаза оказался однозначным:

«Нет, в этом артефакте тепла нет. Хотя что-то из него явно таки струится. Словно магнитная сила. А тепло – несомненно из осколка деревянной лоды».

– Хорошо, пока суну ее в карман... Но ты-то сам для чего предназначен? Или что умеешь?

Неведомое существо, а может, и суть души умершего индивидуума, подвигало глазами в разные стороны. Попробовало пошевелиться. Чуток изогнулось. Потом замерло, сокращаясь и увеличиваясь чуток, словно при дыхании.

«Ну-ка попробуй переверни ладонь», – последовало предложение. Ладонь перевернулась, двуглаз остался висеть на коже, словно присосавшись.

– Ха! Да ты банальная пиявка!

«Сам ты пиявка! – обиделось существо. – А я – дельтанг!»

– Ладно, в первом приближении разобрались, – продолжал вслух бормотать Ландер. Оглянулся по сторонам, удивляясь, почему нет мальчишек в реке, и вновь сосредоточил все внимание на странном образовании на его левой ладони: – Давай теперь выясним отношения между нами. Как я понял, ты – некий осколок души умершего человека. Причем не факт, что проживешь в мире живых долго. Но вот что мне с тобой делать и как к тебе обращаться?

«Нет ничего проще, – оживился дельтанг. – Обращайся ко мне, как я привык за последние десятилетия: Трофимыч. Или Дед. Меня так все называли: что правнуки, что соседи, что знакомые. А вот что нам делать... В любом случае держи меня пока при себе, заспиртовывать не советую. Вдруг, да и пригожусь, а?»

«Как годишься? Пугать тобой детей станем?»

«Зачем сразу детей? – показалось, что старикан весело хохотнул при последнем вопросе. – А просто раскрыть подобную тайну тебе неинтересно? Не говоря о том, что ты сам спасся каким-то чудом и перенесся на противоположную точку земного шара, ты еще умудрился и несравненную Харон ограбить! И сам от нее ушел, и кусок волшебной лоды стащил. Это, насколько я помню, еще никому не удавалось».

«Так уж и никому? А тот же Геракл?»

«Легенда о Геракле, побывавшем в загробном мире, – детская выдумка. Особенно в свете наших новых, пусть и совершенно неполных знаний. Поэтому нам надо в первую очередь провести серию экспериментов с применением твоего артефакта и деревянного осколка...»

«Э, Дед! – Роману не понравилось, как его стали грузить какими-то обязательствами. – Ты, случайно, директором какой-нибудь лаборатории не работал?»

«Бери выше! – не постеснялся похвастаться Никита Трофимович. – Под моим руководством девять лет целый научно-исследовательский институт трудился! Так что ты должен...»

– Ничего я никому не должен! – вслух возразил Роман. – И если кому-то что-то не нравится, я не навязывался. Бросаю тебя в воду, и плыви куда хочешь. Хоть в Каспийское море! Да и бояться тебе нечего, все равно уже мертвый.

И таки сделал вид, что хочет зашвырнуть дельтанга в реку. На удивление тот отнесся к этому вполне спокойно. Еще и съязвил в ответ:

«Как ни притворяйся, но настолько глупым ты не выглядишь! – И тут же пояснил свою мысль: – Лишиться такого чуда говорящего? Я бы – ни за что не выбросил. Да и общий фон твоих эмоций мною хорошо ощущается: ты просто желаешь оставаться в нашей компании единственным командиром. Так я и не против, команду!»

– Что-то ты легко согласился...

«А что мне остается? – Теперь уже явно ментальное общение Деда сочилось веселым смехом. – Рук-ног у меня нет, сдачи дать не могу. Даже рта нет, чтобы на тебя прикрикнуть. Только и могу, что смотреть, присасываться и слышать. Хе-хе!»

– Ладно, Трофимыч, сработаемся, – непроизвольно улыбнулся Роман. – Только как тебя в дальнейшем носить? В ладошке оно как-то... не комильфо... А в кармане – так ведь вид у дельтанга больно хлипкий.

«Давай будем пробовать!» – последовало предложение.

В самом деле, следовало привести себя в божеский вид. А уже потом отправляться к родне в поселок. Но не ходить же при этом, зажимая в ладони овальное существо с двумя глазами?

Вот и пробовал Ландер вначале дельтанга на прочность. Сдавливал, мял, растягивал и сжимал изо всей силы пальцами. И результатам поразились оба участника испытаний. Вроде бы хрупкое, желеобразное создание, при повышении на него давления становилось удивительно упругим и невероятно прочным. Да и каких-либо неприятных, болезненных ощущений преобразованный Шенгаут не испытывал. Только и признался с кряхтением:

«Словно на массажное кресло усадили».

Но когда оказался в кармане, несколько расстроился. Потому что перестал видеть. Общение ментальное не прекратилось, а вот остаться совершенно слепым Деду не хотелось. И его можно было понять: в его новом состоянии «посмотреть» – оставалось единственным удовольствием. Не считая «поговорить», конечно же.

Потому Трофимыч и предложил со временем отыскать некий кисет, из неплотной, в сеточку ткани, и носить этот кисет на груди.

– И как я буду выглядеть с такой ладанкой на шнурке? – ворчал Роман, отстирывая в речке майку от крови. – На руке цепура с блямбой, на груди кисет с шевелящими глазами, а еще ведь надо как-то пристроить щепу с лоды.

При ближайшем рассмотрении в четыре глаза осколок транспортного средства госпожи Харон оказался очень даже загадочным и непонятным. Породу дерева определить не удалось, хотя Трофимыч разбирался в этом превосходно, подвизался в молодости краснодеревщиком. Структура с характерным рисунком из светло-желтых и коричневых полос очень прочная, тяжелая, невероятно плотная и уж всяко тяжелей дуба. Самое ближайшее, что подходило по определению, – макассарский эбен.

Треть щепы оказалась измазана кровью Романа Григорьевича. При попытке ее отмыть в реке ничего не получилось, она словно въелась в структуру древесины. На что Трофимыч заметил:

«Странно, подобная древесина и воду не впитывает, и покрасить ее внутренности не получится. А тут впитала в себя чуток крови, как губка. Может, именно поэтому она так на меня ощутимо веет живительным теплом?»

Ландер обеспокоился другим аспектом:

– Если воспринимать творящиеся вокруг меня чудеса как должное, то можно и до такого додуматься: а не станет ли несравненная Харон меня разыскивать?

«М-м? – озадачился Дед. – С какого такого бодуна?»

– Ну как же! И сам я сбежал от нее, оказавшись живым, недобитым, так сказать. И твою душу, образно выражаясь, украл из мира мертвых. Да еще и лодь мы ей повредили, забрав кусок с собой. Причем раз от этого куска тебе тепло, значит, именно он поддерживает здесь твое существование. Но кровь тут моя – совсем ни при чем.

«Наверное... И все-таки при чем тут поиски?»

– Да что-то мне эта Харон показалась чрезмерно злобной и агрессивной. Про упавшего в реку, возможно, утонувшего пигмея-лилипута вспоминать не стоит. А вот если у нее еще и отчетность строгая по дельтангам? Считай, не только мы от нее сбежали, но и когда я за борт перекидывался, очень много двуглазых в воду высыпалось. Спрашивается: можно ли подобное ограбление оставить безнаказанным?

Несмотря на факт нахождения Деда в кармане шорт, Роман четко ощутил его эмоции: того словно передернуло от неприятных ощущений:

«Брр! Как представляю себя в *том самом* потоке... сразу понимаю, что умер бы окончательно. Или растворился бы?.. Представления не имею, куда нас везли и что собирались творить с нами дальше, но почему-то уверен – ничего хорошего не светило. Ну и по поводу санкций в твой адрес... Смотри на все это проще и не во всем доверяй легендам. Они и так в своем большинстве, как выяснилось, неверны. Мне кажется, несравненной Харон глубоко плевать на сбежавшие или напрочь утонувшие души. Никто ни тебя, ни меня искать не будет».

– А как же порча легендарной лодки?

«Ты ее, что ли, ломал? Пигмеев работа, вот пусть им башки и откручивает злобная перевозчица. Так что не бойсь, побратим, прорвемся!»

Эту тему сбежавшие из потустороннего мира побратимы уже мусолили на ходу. Выстиранную майку, так и оставшуюся с пятнами и разводами, Роман надел на себя. Время летнее, тепло, ткань на теле быстрее высохнет. Шорты отжал, встряхнул как следует, да и тоже воздел на себя для быстрой сушки. Ну и тронулся в путь босиком, без средств к существованию и с резко нарастающим аппетитом.

Теперь у него все надежды оказались направлены на близких и дальних родственников по матери, проживающих в поселке. Ну и на друзей детства, чего уж там. Пешочком к ним идти, напрямик, километров пять. Быстрее получилось бы на часто курсирующем мини-автобусе, но там кругая еще того следовало дать, чтобы добраться, дожидаться на остановке, да и на оплату ничего за душой не имелось. Карточка банковская никуда не делась и вроде выглядела неповрежденной, даже какие-то крохи евро еще оставались на ней, но вряд ли в маршрутке есть считывающие терминалы. Ну и вид недавнего утопленника, крайне пляжный или, скорей, бомжеватый, не рекомендовал появляться в людных местах.

Но даже пешком к месту обитания родни тоже не следовало босиком являться. Пусть здесь и не Кремль, но приличия соблюдать следовало. К тому же Ландер в последние десяток лет для здешней публики являлся сродни небожителя. Еще бы! Большой человек, ворочает бизнесом, проживает в Германии, да и в России у него остались такие друзья-приятели, что зависть вызывало. А о тех красотках, которые с ним порой на фотографиях и в жизни мелькали, вообще в порядочных семействах только с зубным скрежетом упоминали.

Так что завидовала здешняя родня жестко. Друзья злились. Одна близкая подруга, скорей всего, проклинала. К тому же на словах все они, в глаза и особенно за глаза, резко осуждали эмигранта. Дескать, родину бросил, и чудо еще, что не хаает ее. Иные определения тоже не красили: развратник, пьяница, редкий гулена и наверняка аферист. Правда, выпивку и жратву за его счет употребляли все, никому при этом кусок в горле не застревал. Да и на женщин его пацаны так облизывались, что смешно было смотреть. Зато частенько прочили ему, словно сговорившись, одними словами:

– Ох, Ромка! Доведеет тебя твоя жизнь до цугундера!

Особенно в нетрезвом виде от них такое прорывалось. Выпьют на халяву, закусят, опять выпьют до неприличия много и начинают учить да пророчествовать. Но раньше всегда Роман Григорьевич им живо рот затыкал:

– Добьешься чего-нибудь в жизни, вот тогда и поучай других! А сейчас – пей и не крякай!

Так что реакция на нынешнее появление босого «германского бродяги» просчитывалась на раз: отведут душу родственнички, ой отведут! Цугундер припомнят, и нежелание слушать мудрые советы, и презрительную барственность, и насмешки над патриархальными основами. Не упустят также возможностями народными пословицами завалить, типа: вернулся, скотина, к колодцу водицы напиться? Хотя ничего конкретного о плевках сказать так и не смогут.

Вот к таким людям и предстояло сейчас обратиться за помощью.

Правда, сам Ландер о грядущих унижениях поведал со смехом. Даже защищал заранее здешнюю родню:

«Ну вот такие они! И никуда от этого не денешься! – Это он уже в конце пути, когда вошел в поселок, подводил итоги своим же рассказам. – Но в остальном люди душевные и вполне порядочные, без помощи уж всяко не оставят».

«Так и я помощь могу оказать значительную, – пошли встречные откровения от Деда. – Умирал-то я совсем не бедным. Ты, главное, до банка и до Интернета доберись. После чего оглянуться не успеешь, как я тебя солидными средствами обеспечу».

В этом Роман Григорьевич откровенно засомневался:

«Трофимыч! Если тебя отравили, то наверняка и ограбили до последней нитки. Тут к гадалке не ходи!»

«Хе-хе! Зря ты считаешь меня настолько наивным ротозеем! – Душа отравленного господина Шенгаута явно потешалась в каком-то злорадстве. – Да и отравитель мой пролетел как фанера над Парижем, если надеялся что-то поиметь из дивидендов после моей смерти. Конечно, завещание у нотариусов есть, и через девять дней мои накопленные богатства получат те, кому полагается. Но ограбить мои счета раньше – ни у кого не получится. Да и вообще...» – Мысли Деда оборвались словно на полуслове.

Роман даже чуток забеспокоился:

«Эй! Никита Трофимович? Ты там живой... Мм!.. В смысле, еще не окончательно помер-то?»

«Не дождетесь! Раз я мыслю – значит, существую! Вот... Но я тут вдруг словно прозрел и подумал: а ведь отравителя с твоей помощью будет отыскать – проще не придумаешь. И если он окажется из числа моих наследников по завещанию, то мы не только сможем нужные преобразования на счетах сделать, но и восстановить попорченную справедливость. Причем...»

«Стоп, дедуля, стоп! Не гони лошадей, – пришлось осаживать восторженность дельтанга. – Мне бы со своими проблемами разобраться вначале».

«Разберемся! – сочился тот оптимизмом. – Тем более что средства ты получишь! И немалые! На все про все хватит. Тебе ведь нужны деньги?»

Хороший вопрос оказался для Ландера. Как он ни задумывался, как ни верил в свою удачу и умение быстро заработать, выкрутившись из любых обстоятельств, а без посторонней помощи вряд ли что получится. Причем помощь не помешала бы в самом деле солидная. И от своих бывших конторских коллег желательно еще неделю, вторую скрывать. И в Германию столько же времени спешить не стоило. По некоторым счетам тоже ничего какое-то время вырвать не получится. Надеяться на должников? На того же Бориса Сенина? Увы, на бывших приятелей надеяться нельзя. Как бы тот вообще какую встречную гадость теперь не устроил. С обиженного Бори станется и не такое сотворить.

Вот и получалось, что делами ныне покойного господина Шенгаута придется все-таки заняться. Но сразу в этом признаваться даже самому себе не хотелось, так что Роман просто отложил принятие окончательного решения на потом:

«Утро вечера мудренее! Вначале надо до Интернета добраться, а еще раньше у родни какие-нибудь тапочки выклянчить да на ужин попроситься. Авось, да не погонят с порога-то!»

Трофимыч нечто прокряхтел в ответ невразумительное, наверное, пожелал удачи. Ну и хорошо, что примолк, мешаться не будет. Потому что Ландер уже стоял у калитки и тыкал кнопку звонка. Добрался на место в сгустившихся вечерних сумерках и теперь сквозь забор из тонкого штакетника просматривал сам дом и окружающее его подворье с садом.

Старый дом, крепкий. Больше ста лет как построен. Но явно устарел по дизайну и привлекательности. Словно бункер мрачный просел, чуток перекосялся, будто полуослепший старец. Да и сад выглядел крайне непрезентабельно: треть вырублена, треть – напрочь засохла от древности. А те деревья, что остались, практически уже и не плодоносили.

Рома хорошо помнил, как в его детские годы этот сад считался самым лучшим и богатым в окрестностях. Но после смерти прадеда, а потом и деда с бабушкой плодовые деревья запустили, никто к ним рук не прикладывал, вот они и помирать стали. Даже сарай, стоящий в глубине двора, еле держится, почти развалился от гнили.

Проживал здесь дядька Семен, младший брат матери, всего лишь на полгода старше самого Романа Григорьевича. Причем остался дядя здесь с женой жить да с ее кухней, все остальные, в том числе и четверо его детей, разъехались несколько лет как. Кто на соседнюю улицу, кто в город, а кто и в столицу подался. Но росли Рома с Сеней и дружили сызмальства. Лето на речке проводили, да организуя налеты на соседние сады. На кратких школьных каникулах уже дядьку отправлял дед в гости к старшей дочери. В общем, было что вспомнить и на кого опереться. Не просто ближайшая родня, но и друг детства.

Увы, детства, уже весьма далекого по времени.

Звонить пришлось несколько раз, хотя одно окно в доме светилось изначально. Пусть и не ярко, словно при работе экрана.

– Телевизор, что ли, смотрят на всю громкость? – недоумевал запоздалый гость. – Или настолько крепко дрыхнут? Так вроде рано еще...

Наконец дверь входная чуть приоткрылась, и в щель вырвался женский, встревоженный голос:

– Кого это там носит среди ночи?

– Ты о чем, Катерина?! – преувеличенно радостно заорал Роман в ответ. – Какая ночь?! Детское время! Открывай ворота, марширует рота! Принимай гостей!

Явно узнав веселящегося мужчину по голосу, супруга Семена уже смело открыла дверь, сошла с крыльца и подошла к калитке. Но там так и замерла на месте, не спеша открывать сложно навороченные запоры:

– А че эт ты?.. В таком виде-то?..

– Ха-ха! Не одежда красит человека! Забыла, что ли?!

– Еще и босой? – словно не слыша, продолжила Катерина и с подозрением поджала губы.

– Так лето ведь, жара! – Гость уже с трудом удерживал улыбку на лице. А потом и вовсе скривился, получив невероятные вопросы:

– Ты че, убил кого-то? И теперь в бегах?

Ничего не оставалось, как грустно вздохнуть и потребовать:

– Короче, Кать! Зови Семена! – И до того отношения с невесткой были весьма напряженными. А сейчас так и хотелось ухватить эту вреднющую бабу за волосы да потягать как следует. А ведь в детстве на год младшая Катька носилась за их компанией всюду, как хвостик. А в юности он с ней даже как-то парочку раз целовался.

Зато сейчас ее потряхивало от презрения, а голос сочился неуместным злорадством:

– А нет твоего Семочки! В больнице уже полтора месяца как лежит. Спился напрочь, скотина, безмозглая! Цирроз печени у него!

– Ох! Вот беда-то какая! – выдохнул Роман ошарашенно.

– Конечно, беда! Больше тебе выпить не с кем будет! – перешла женщина на крик. – А вот если бы ты в прошлые свои приезды родственника не спаивал, то наверняка тот человеком остался бы, а не в свинью превратился!

– Кать, ты чего?..

– Что слышал! Ты-то приехал, попраздновал да и забыл. А мой тюфяк потом месяцами в запое. Да все тебя проклинаят с утра до вечера и приговаривает, что только дуракам везет, а умных – никто и в грош не ставит!

Уже понимая, к чему все идет, Ландер еще с минуту выслушивал ругань разошедшейся невестки, а потом резко прервал несправедливые обвинения:

– Мне надо переночевать и приодеться! Меня вон ограбили до последней нитки. Пустишь в дом?

– Еще чего! Чтобы я, да при живом еще муже, всяких кобелей в дом пускала? – уже шипела от злости женщина. – Да никогда!

После чего резко развернулась и, гордо расправив плечи, ушла в дом. Еще и дверь наружной с такой силой хлопнула, словно ей тут с завтрашнего дня не жить.

Пока отверженный гость озадаченно чесал затылок, вышел на мысленный контакт дельтанг Шенгаута, Никиты Трофимовича:

«М-да! Пельменями тебя здесь не балуют. На пуховые перины не кладут. Даже водой не напоили. И что теперь?»

«Не бойсь, Дед! – заверил Роман. – Мир не без добрых людей!»

И решительно отправился к другому дому.

Глава 4

А добрых ли?

Идти оказалось совсем ничего. Дома через четыре, на той же улице. Там звонка не оказалось, калитка без запоров, разве что на простом кожаном прихвате, накинутом сверху.

«А здесь уже небось дальняя родня проживает? – с чувствующимся ехидством поинтересовался Трофимыч. Видимо, он прекрасно расслышал, как скрипнула калитка и как глухо отозвалась на стук расхлябанная дверь. – И по закону жанра, они как раз по колена самые добрые и по уши сердечные?»

«Да как сказать... Совсем не родственники. К тому же весьма желчные и крайне меркантильные по характеру людишки. Испорченные, так сказать, окончательно диким капитализмом. А уж фамилия – грех один да растление: Шалавин».

«Чего ж ты тогда?... Хотя неиспорченных у нас нет, есть только не схваченные за руку. Хе-хе!»

Тем временем без всякого вопроса «Кто там?» дверь широко распахнулась, и хозяин дома не стал скрывать своего удивления:

– Оп-па! Мистер Рубка?! Какие люди и... без ботинок!

– Здорово, Жора! – притворно строго отвечал Роман. – Как живешь, ничего?

– Да все путем, когда поем! – отвечал прибаутками третий товарищ, из их некогда неразлучной детской компании. – А поем мы ежедневно, тренируемся душевно! – но при этом так и стоял на пороге, даже не протягивая руку для приветствия. – Тебя каким ветром к нам занесло? По делу или... хм, опять в загуле?

– По делу!

– О! Тогда проходи! – так и не подав руки, Жора Шалавин развернулся и двинулся в глубь дома. – Дверь прикрой! Сейчас сядем в кабинете моем, перетрем вопрос... Как говорится: делам все времена покорны!

Из гостиной раздался голос престарелой матери Шалавина:

– Сынок, кто там пришел?

– Это ко мне, по делу! – последовал на ходу ответ важным тоном.

«Жора – самый деловой, активный и легко воспламеняемый человек этого поселка, – продолжал давать пояснения Роман для дельтанта. – Непьющий, презирующий гуляк, человек слова. Единственный грешок – любитель покурить. Но при всем этом страшно невезучий во всех своих бизнес-проектах и начинаниях. Настолько невезучий, что считается в округе за блаженного, если не назвать его чем пострашней».

«Женат?»

«Давно и несколько раз разведен. Живет с матерью и младшей сестрой. Та – вдова, двое детей. Что-то их не слышно, может, куда уехали на лето?...»

«Я правильно понял? – недоумевал Дед. – Ты собираешься выдоить человека, скажем так, недалекого разумом?»

«Увидишь!.. То есть услышишь! – пообещал Роман и тут же с внутренним смешком добавил: – И хорошо, что ты из кармана шорт не можешь рассмотреть сей кабинет. Иначе ржал бы как лошадь!»

Комнатушка считалась самой маленькой в доме, три метра на два с половиной. В ней стоял белый, чисто казенный стол из древесной стружки, два одинаковых стула из дешевой столовой и три узких, металлических стеллажа до самого потолка. Подобные часто ставят в гаражах для инструмента и запчастей. На здешних же стеллажах стояло с пяток древних печат-

ных машинок, десяток неработающих сканеров и принтеров, разнобойные системные блоки и несколько экранов производства «суровых девяностых».

Все остальное свободное место занимали толстые, хаотично пронумерованные папки разной толщины, структуры и цвета. Но при внимательном рассмотрении всего этого умный человек мог догадаться, что все это устаревшая напрочь оргтехника найдена на свалке. Разве что некоторые папки выглядели на удивление новыми и целыми.

На столе стоял тоже так называемый компьютер первого поколения, чудом работающий. По крайней мере, экран светился, а системный блок сердито гудел. На отдельной полочке над столом громоздились пачки из-под сигарет, коробки из-под сигар. Ну и в нескольких местах стояли пепельницы разного формата и объема. Чистые, правда. Да и никотиновым угаром в «кабинете» не фонило. Так, слегка подванивало, словно курили здесь очень давно.

Уселись друг против друга, разделенные столом, и Жора, как-то помявшись, спросил:

– Что курить будешь?

– Пожалуй... – прислушался к себе как бы недавно умерший и вернувшийся с того света Ландер, – ...ничего! Не тянет что-то. Да и нет у тебя моих любимых сигар.

– Отлично! Тогда и я не буду курить. Разговору это не помешает. Выкладывай, что у тебя за дела?

– Да как тебе сказать... Интернет у тебя безлимитный? – следовало вначале выяснить первоочередное по важности. Но на такой, казалось бы, простейший вопрос гостеприимный хозяин опять замялся:

– Временно отключили... Там какая-то неразбериха получилась у них, клялись, что завтра все восстановят и накажут виновных.

– М-да! – расстроился Роман, продолжая мысленный диалог с Трофимычем и уже прекрасно догадываясь о дальнейшем: – Дашь воспользоваться своим мобильным?

– Э-э... что-то он у меня совсем забарахлил, после того как уронил его... сегодня в обед...

Врать Шалавин не умел. И не любил. И сейчас покраснел, уткнулся взглядом в стол. Того и гляди слезу пустит. Но ничего, справился с собой. Перевел взгляд на босые ноги гостя, которые тот вальяжно забросил одну на другую. Чуть нахмурился и решительно спросил:

– Ром, а ты сейчас на задании? – пожалуй, сам он меньше всех соседей и знакомых верил в то, что Ландер служит или служил в конторе глубокого бурения. По крайней мере, всегда плевался, когда слышал такое и заявлял, что таких разгильдяев, пьяниц, взяточников и бабников, как Рубка, на подобную работу не берут. Даже если дать за это взятку в миллион долларов.

А сейчас, несмотря на весь непрезентабельный вид своего друга детства, вдруг сам поднял эту тему. Пришлось немножко напустить туману, потому как и самому врать не хотелось:

– Ну-у-у... Ты ведь сам прекрасно можешь догадаться по моей форме одежды и совершенно трезвому выдоху. Так зачемшний раз и весьма неосторожно прикасаться к чужим тайнам?

– Конечно, конечно, я все понимаю! Но раз ты пришел ко мне по делу...

– Половина дел отпала сразу, по причине отсутствия у тебя Интернета и мобильной связи.

– Да?.. Ладно, переходим тогда ко второй части! – подобрался Шалавин. – Выкладывай!

– У тебя есть отличная возможность заработать на пятидесятипроцентной накрутке оборотных средств, – деловито стал излагать Роман. – То есть ты мне сегодня под расписку ссужаешь сто тысяч, а через несколько дней получаешь уже сто пятьдесят. То же самое с одеждой на меня. Она будет покупаться на пятьдесят процентов дороже своей себестоимости.

Минуты две после этого друзья сидели в полной тишине. И Жора, почти не моргая, пялился на Ландера. Потом шумно и протяжно вздохнул и грустно промямлил:

– Арифметику я хорошо помню. И не надо мне объяснять задачки о процентах... Так что одежду я тебе сейчас подберу... И наваривать на тебе не стану. Но! Я ведь недаром поинтересовался, как у тебя со свободным временем...

– И зачем?

– Видишь ли... – Шалавин перестал мяться и зачастил словами: – Обратиться-то больше и не к кому. Я уже и участкового привлекал, и в город мотался по разным инстанциям и полициям. Губернатору писал и мэру...

– Короче, балабол! Что стряслось-то? – оборвал его Роман. – Конкретно!

После чего деловой, лишенный Интернета, мобильной связи и денег человек пустился в путаные объяснения. А когда он закончил, все слышавший Никита Трофимович завыл по мысленной связи:

«У-у-у! Да для определения его дурости слов не хватит! Даже матерных! Разве из древнерусского что-то вспомнить?.. Так их есть у меня: лободырный, негораздок, остолбень, божедурье, божевольный, баламошка...»

«Стоп, дедуля, стоп! С этого ущербного и так хватит, а от таких словечек, пусть и не услышанных, может сердце остановиться».

Ситуация создалась следующая. Зная истинную «деловитость» Шалавина, помноженную на крайнюю наивность и детскую доверчивость, группа аферистов его развела как последнего лоха. Вначале к нему в душу влез секретарь поселкового управления по строительству. Заявил, что будет строиться уникальный комплекс для отдыха, реабилитации и развлечения ветеранов. А тот, кто станет вести стройку, распоряжаясь финансами, шикарно может заработать, не менее ста процентов чистой прибыли на вложенные деньги. Попутно с этим главный директор или управляющий строительства получит всемирную известность, почет от земляков и уважение всех россиян. Ибо дело новое и страшно перспективное.

Мало того, секретарь утверждал, что пока сам проект хранится в тайне, чтобы не допустить к нему всяких жуликов и махинаторов. Мол, подыскивается честный человек, и Жора по этим критериям подходит лучше всех.

– Согласен! Согласен на все! – тут же заявил кандидат на высший авторитет и уважку. – Только вот где мне денег взять на это строительство?

– Не проблема! – заверял аферист. – Вот тебе телефончик человека, который работает в банке. Поговори с ним, а уж за твою честность кто угодно поручится.

Бедолага переговорил с владельцем капиталов, и тот ему пообещал выделить солидные деньжищи под залог дома и всего участка. Причем участка огромного, самого большого в поселке. Но при одном условии: договор со строительной компанией предъявить и первые бетонные блоки на строительной площадке. Дескать, иначе у нас большие суммы не ссужаются. И тоже надиктовал телефон одного «ну очень порядочного и знающего прораба».

С тем тоже быстро дело сладилось. И вскоре первый самосвал с пятком блоков для фундамента уже гудел на месте якобы намеченного строительства. Там же прораб принес один договор, работник банка второй, и наивный «управляющий» их торжественно подписал. Деньги как бы перешли на счет Шалавина и тут же он их перевел на счет стройконторы. После чего с гордо задраным носом стал ждать обещанной славы, почета и уважения.

Самосвал с замазанными грязью номерами те пять блоков вывалил да уехал. А вот телефон «прораба» больше не отвечал ни в тот день, ни в последующие. Позже выяснилось, что такого человека вообще в природе не существует. Комплекса для ветеранов тоже не отыскалось ни в каких планах. Секретарь поселкового совета на все вопросы или претензии делал большие глаза и крутил пальцем у виска.

Наутро уже следующего дня блоков на месте не оказалось, за ночь кто-то украл.

А вот банк, выдавший деньги Шалавину, – стоял скалой, никуда не исчезая. Еще и успокаивал клиента:

– Да вы не волнуйтесь так! За год процентов-то немного набежит. А уж за такое время воистину деловой человек с вашими талантами на иных проектах эту жалкую потерю наверстает.

Ага! Не на того напали! Такой наверстает...

Год близился к завершению. Долг вырос в полтора раза. Главных аферистов в виде прораба и его треста отыскать не удалось, счет у них оказался фиктивный. А расплачиваться чем-то иным, кроме родного дома с безразмерным участком, и не было ничего.

Да что там расплачиваться! Изрядно курящему Жоре и курить стало нечего в последние недели! Все пачки и коробки в его «кабинете» только выглядели красиво. На самом деле – давно пустовали. Уже приходили аудиторы, оценили имущество и посоветовали через несколько дней освободить помещение. Мол, лучше сами выселяйтесь без мордобоя и полицейского произвола.

Сестра с детьми уже куда-то к подруге начала перебираться. Мать заявила, что сама не выедет, наружу вынесут ее труп.

– Вот такая ботва с колючей проволокой, – грустно завершил свое повествование поникший Шалавин. – А меня в последнее время уже и выслушивать перестали... Все отмахиваются... И выхода никакого не осталось, кроме как в петлю... Я уже наводил справки: если меня не станет раньше выселения, то мать может по закону остаться проживать в своем доме до смерти. Так что...

Судя по его тону, свою судьбу, несмотря на весь прижизненный оптимизм и веру в человечество, Жора уже решил. И уже ни на кого не надеялся. Даже на своего друга детства. Потому что смотрел на его босые ноги весьма красноречиво и явно не верил, что тот «на задании».

Вот и повисла длинная пауза в разговоре.

В немалых моральных затруднениях и в сомнениях этического толка оказался Роман Григорьевич Ландер. По внешнему виду смотрелся он как глубоко задумавшийся человек. На самом деле он вел интенсивную беседу, чуть ли не переходящую в ругань с находящимся у него в кармане шорт дельтангом:

«И как я ему могу помочь?! Сам в роли прячущегося «бывшего конторщика» нахожусь. Еще недели полторы, а то и две мне желательно сидеть на попе ровно и нигде не светиться. Тем более на родине. Иначе меня уберут походя, потому что я в списке тех, кто якобы что-то, когда-то мог узнать нечто слишком тайное».

«Еще скажи, что ты не знаешь точную причину для твоего устранения?»

«Скажем так, догадываюсь. Но сути это не меняет, я там все равно сбоку припека и на великой афере по дележу партийных денег ни копейки не хапнул».

«Ладно, не хочешь пока рассказывать, поговорим потом, – наступал Никита Трофимович. – А вот если другу детства не поможешь и тот в петлю сунется, потом совесть не загрызет?»

«О! Она меня уже проедает! – признался Ландер. – Только что я могу сделать? Босой! Без копейки за душой! И без всякой возможности опереться на отработанные связи, на старых коллег по работе и на местные силы правопорядка. Чем могу помочь? Разве что выдернуть табуретку из-под ног висельника?..»

«Не будь циником, тебе не идет...»

«Много ты, Дед, понимаешь, что мне идет, а что нет!»

«Ха! Что мне понимать, если я почти всю глубину твоих эмоций ощущаю! – неожиданно заявил Шенгаут. – И мне кажется, ты обязательно что-нибудь дельное придумаешь. И хоть ругаешься в адрес Шалавина, хоть плюешься в его сторону и обзываешь полным дебилоидом, все равно тебе его жалко до слез...»

«Жалко?! Еще и до слез?!» – мысленно выкрикнул Роман, тогда как вслух сказал совсем иное:

– Знаешь что, Жора! Деловой ты наш. Давай будем действовать последовательно. Вначале обуи меня, одень, накорми и напои. И только потом я смогу нормально головой работать. А то сутки во рту маковой росинки не было... Если не больше!

– Извини! – спохватился Шалавин. Вскочил из-за стола и увлек за собой в спальню. – Ты ведь знаешь, я люблю деловой... м-м, простой стиль. Особых изысков у меня нет, да и в плечах все мое будет тебе тесновато. Зато размер обуви у нас одинаковый! Вот, смотри какие хорошие ботинки... Почти новые...

В его личном шкафу отыскались летние сандалии, но они нуждались в ремонте: следовало их зашить в нескольких местах. Туфли оказались только с одним каблучком. Вторые туфли скромно так смотрелись на хозяине. Так что из обуви только и оставались, что прочные, демисезонные ботинки. Хотя сказать, что они почти новые, мог очень и очень жадный человек. Или чрезмерно бережливый. Хорошо хоть носки отыскались почти целые, всего с несколькими дырочками. Зато чистые!

С брюками оказалось полегче: имелся огромный выбор из трех пар. Подошли серого цвета, хоть как-то сочетающиеся с совсем не летними ботинками.

Достойная по плечам рубашка отыскалась только одна. В клетку, на короткий рукав и навывпуск. Хорошо хоть имела сразу четыре кармана. А два из них на груди, застегиваемые на молнии, вообще оказались из легкой пластиковой ткани, обычно пускаемой на фату. Незаметно помещенный в один из этих карманов дельтанг возрадовался как ребенок:

«Ух ты! Здорово! Я теперь и видеть могу твоих собеседников! Да и вообще все вокруг просматривать!»

«Пользы с этого, как с лысого попа в партизанском отряде! – понеслось в ответ недовольное брюзжание. – Если на кухне у Жоры такой же голяк, как у него в шкафу, то придется в иное место мчаться для позднего ужина».

«Неужели русский человек станет стеснять себя в питании?»

«Видишь ли, Трофимыч, синоним «деловой» не всегда соответствует синониму «сытый», – заметил Роман, вспоминая с досадой: – А еще с этим идиотом его мама живет. Добрейшая и душевная женщина, но сына дураком вырастила. И, скорей всего, тоже сидит на вынужденной диете...»

Так и оказалось. На кухне, конечно, имелось кое-что из съестного, но такой убогий мизер, что у Ландера ком в горле встал. Хорошо хоть воды имелось в наличии много, вкусной и прохладной. Утолить жажду удалось не только за истекшие сутки, но и на сутки вперед.

И все время пока пил, Роман цепко, за руку, удерживал на месте Жору. Потому что тот порывался выложить на стол к четвертинке хлеба кусок масла, три кусочка колбасы, несколько перьев зеленого лука и два последних яйца. Еще и уговаривал при этом:

– Сейчас и чайку заварим!.. И где-то у меня тут бублики были...

– Вот пусть там и остаются! – потащил его за собой Ландер. – Где были!

– Куда ты меня тащишь? – обиженно вопрошал Шалавин, уже когда они шли по улице.

Но попыток вырваться не делал.

– Куда, куда... К Зинаиде идем.

– Что?! – Его друг детства замер на месте как вкопанный. – Она же тебя пришибет! И меня заодно!

– Тебе-то чего бояться? – последовал издевательский вопрос. – Что в петлю, что к Зинке, все одно не жить. А так хоть на сытый желудок помирать будет веселей. Или она уже и не накормит своих старых приятелей?

– Ну-у... грозилась ведь тебе голову проломить, – напомнил друг детства что-то явно неприятное из истории здешних, межличностных отношений. – Да и ты ей обещал, кажется, буквой «Зю» скрутить...

– Ай! Когда это было-то? – отмахнулся Роман, вновь утягивая друга за собой. – Мы вон уже от старости скоро рассыплемся, так какой смысл ошибки юности или всякие недоразумения вспоминать?

«А вы тут, оказывается, интересно живете, – потеснил мысли в голове, внимательно улавливающий каждое слово дельтанг. – Прямо «Санта-Барбара» целая. Или кино индийское, как минимум «Зита и Гита». Хе-хе!»

«Слышь, Дед, хоть ты не подначивай!» – стал огрызаться Ландер.

«Так интересно мне, что это за мадам Зинаида, легко убивающая пару-другую мужиков? Такая огромная бабища?»

«Если бы!.. Она скорей стройная и худенькая. И пальчики у нее музыкальные. Сам сейчас увидишь... Но если в трех словах, то у меня с ней странные отношения. Как ни приеду сюда раз в несколько лет, так мы с ней обязательно проснемся однажды утром в обнимку. Причем накануне ни о каком сближении и речи не идет. А как алкоголь мозги затуманит, так и пошли-поехали сюси-пусси. Несколько дней вроде как начинаем привыкать друг к дружке, а потом бац! Или я срочно уехал по службе, или она меня гонит, что-то неожиданно вспомнив и на пустом месте обидевшись».

«Ага, понятно. Чаше всего это ты сбегал, боясь привыкнуть?»

На этот вопрос Роман лишь угрюмо молчал и хмурился.

Зато его желудок, обманутый на короткое время большим количеством воды, стал выводить настолько возмущенные рулады и утробные звуки, что идущий обок Жора не то испугался, не то сподобился пошутить:

– Ты, часом, не в волка превращаешься? Так ведь сейчас не полнолуние...

– Мои циклы не от луны зависят, а от... – Ландер демонстративно щелкнул зубами на враз отпрянувшего в сторону друга, – ...от наличия рядом тушки с горячей кровью. Хотя откуда в тебе кровь-то? Поэтому не бойсь, доктор больного не обидит!

– Чего это ты меня доктором обзываешь? – уже напропалую шутил самый деловой человек поселка. Чем изрядно удивил Романа:

– С какой стати это ты так вдруг развеселился? – И откровенный ответ не заставил себя ждать:

– Да я всегда млею от ваших встреч. Ха! И сейчас жутко интересно, как Зинка тебя и чем будет в землю вколачивать? Она ведь на полном серьезе грозилась и не единожды это повторяла... Или ты сразу начнешь перед ней лебезить и Стрелочкой называть? Ну да, от этого имени она млеет...

– Ты это... Не лезь не в свое дело! – оборвал его вновь насупившийся мистер Рубка. – И в разговор не вмешивайся. Стой рядом, понурившись, молча лей слезы, иногда покусывай губу... Глядишь, и отделаешься всего лишь сотрясением мозга. А все остальное я сам буду улаживать.

– Как?!

– Хм! Пацан!.. Есть такая тактика: нападение – лучшее средство при защите. И вообще, перестаньте меня доставать глупыми вопросами и еще более глупыми советами!

Шалавин на такой пассаж лишь растерянно оглянулся по сторонам, недоумевая, кого это старый друг имел в виду, обращаясь к большинству? Так никого и не заметил, чаще стал перебирать ногами, догоняя урчащего от голода приятеля. Он первым и заметил вслух:

– О! Светятся окошки-то!

Дом Зинаиды выглядел лучше всех в данном районе. Уже давно перестроенный из старого и постоянно совершенствующийся, он отвечал всем современным стандартам внешней отделки. Даже мрамор местами использовался, что сразу придавало зданию элементы декоративной роскоши. Два этажа с террасой, большая, вместительная веранда, смотрящая в сторону реки, современные окна из стеклопластика, ухоженные как на картинке фруктовые деревья,

да и сам двор, уложенный цветной плиткой, – все это в сумме наводило на мысль о крепком и справном хозяине данного участка.

И только местные знали, что проживает Зинаида одна. А ни один из ее кавалеров или даже сожителей с ней так и не прижился. Всех выгоняла после короткого времени. Как подозревали (а многие были уверены): из-за склочного, тяжелого характера Зинаиды Ивановны Стрельниковой никто не мог с ней сойтись надолго. Или со Стрелкой, как ее называли в детской еще компании.

Здесь звонок у калитки работал. И даже имелось действующее переговорное устройство, из которого после звонка послышался спокойный, грудной голос:

– Кто там?

– Добрый вечер, Зинаида Ивановна! – так же спокойно поприветствовал ее Ландер. – Впу...

– Прощайте! – Женский голос стал резким и отрывистым. – И не смейте даже приближаться к калитке! Иначе не пожалею патронов с тяжелой картечью!

– ...Впустите нас, мы в большой беде, – продолжил в прежнем тоне гость. После чего гневно уставился на Шалавина, который незаметно попытался уйти в сторону, и еле слышно прошипел: – Стоять!

Похоже, домофон оказался с чувствительным микрофоном, потому что в доме даже шипение услышали:

– Ах ты, волчара позорный! Кому это ты командуешь?! Ну все! Сейчас! Сей...

Слово прервалось на половине, но теперь уже Жора стал нервно тараторить и все-таки сдвигаться в сторону, под защиту кирпичного столба, держащего створку ворот:

– Ром, уходим! Она ведь выстрелит, гадом буду, рука у нее не дрогнет. Давно разрешение на оружие имеет и на стрельбище лучше всех по тарелкам пуляет...

– Да я бы ушел, – грустно признался Роман. – Да сил не осталось. Сейчас от голода с ног свалюсь...

В этот момент входная дверь дома с грохотом распахнулась и на крыльцо выскочила женщина с двуствольным охотничьим ружьем. Причем сразу же стала поднимать ружье в сторону калитки.

Вот тут Ландер и рявкнул солидным, командирским басом:

– Стрелка! Кончай дурить! Личные отношения потом выяснять будем. Тут беда случилась, считай, из петли Жорика пришлось вынимать! И хорошо, что меня сюда судьба забросила. А то получается, человека уже и спасти некому?! Дядька спился, ты от всего отстранилась. Как жить дальше станешь после всего случившегося?

Пока он это все выкрикивал, Зинаида медленно сошла с крыльца и двинулась к калитке. Причем дуло ружья все так же смотрело в лицо запоздалого гостя. Одного, потому что второй уже вжимался спиной в кирпичный столб и бил копытом, собираясь рвануть отсюда со скоростью ветра при первом же выстреле.

– Еще раз, добрый вечер! – уже спокойным голосом поздоровался Роман с приблизившейся женщиной. – Прекрасно выглядишь, и очень рад тебя видеть. Но давай вначале решать вопрос с нашим приятелем. Нужна твоя помощь. Открывай!

Только вот госпожа Стрельникова не спешила оказывать хваленое заволжское гостеприимство. С минуту она молча рассматривала Ландера, кривя свое симпатичное личико в презрительной гримасе. Потом с немалым возмущением протянула:

– Ну ты и наглец! Осмелился сюда явиться?.. Да еще и с претензиями?..

– Претензии касаются недосмотра за Шалавиным...

– Не поняла! А он мне кто? – еще больше возмутилась Зинаида. Ствол ружья тоже опасно приподнялся. – Брат? Муж? Или любовник? Что я должна за ним присматривать?

– Стрелка! Не дело вот так стоять на улице и перекрикиваться! – Тон у Ландера вновь стал строгим, почти ледяным. – Да и сам факт моей предстоящей помощи Жорику хотелось бы пока придержать в секрете.

– Ну и прятал бы этот секрет у своего Жорика в подвале! – тон незаметно стал язвительным и насмешливым. – И сам бы там спрятался. Потому что одеваться ты стал – «Прощай комсомол!» называется. Тот же Шалавин такое старье на себя натянуть побрезгует!

Несмотря на свою трусость, стоящий за столбом Жора не удержался от хвастовства:

– Так это и есть моя одежда на нем! И ботинки – тоже! – Затем выглянул одним глазом и вежливо добавил: – Стрелочка, привет!

– А-а! «Делавар»?.. И ты здесь, позор и посмешище всего Заволжья?

– Ну ты, это... слова-то подбирай! – От возмущения Шалавин и страх потерял, становясь рядом с другом детства. – Какой позор?.. Это я, что ли, кого-то обманул? Или это я аферы разные проворачиваю?.. Или это я на разных подделках дурные деньги зашибаю?..

Явный камень в свой огород Зинаида словно и не заметила. Зато резко шагнула вплотную к калитке и грозно потребовала:

– А чего это ты свою последнюю одежду Ромке отдал? Отвечай!

– Так он, как бы... – Жора вроде и остановился на полуслове, понимая, что не стоит друга настолько унижать откровениями подобного толка. Но все-таки не удержался от очередного приступа честности: – Босой ко мне пришел. В одних шортах и в рваной майке. Вот! – Мгновение подумал, косясь на хмурого Ландера, и со вздохом добавил: – И голодный он, больше суток ничего не ел. Явно откуда-то сбежал.

Зинаида перевела свой вопросительный взгляд на Романа, и тот попытался простодушно улыбнуться:

– Не сбежал, а уплыл. – Но долго держать улыбку на лице не смог, хотя и попытался говорить словно в шутку, после тяжелого вздоха: – А если честно, то... Ликвидировать меня хотели. Вот и выбросили за борт... с гирей на ногах.

Красивые, тонкие брови женщины встали домиком от удивления:

– За борт? С парохода, идущего по нашей речке?

Пароходное сообщение по реке было прервано уже лет десять назад. Лишь иногда по водной артерии шлепали частные лоханки каких-нибудь нуворишей или судна специального, технического флота.

Но Роман и дальше врать не стал:

– Борта бывают не только у речных пароходов. Так что... до сих пор не пойму, как и почему удалось спастись.

– Угу, угу... Приключения, говоришь? – ухмыльнулась Зинаида, перекидывая тяжелое ружье на изгиб локтя. – И даже доказательства своего приключения можешь какие-нибудь показать?

Пока Ландер изображал обиду за такое недоверие к его словам, в сознание вторглось веселое восклицание дельтанга:

«А ты меня покажи! Хе-хе! Только вначале ружжо у нее заведи!»

На физиономии недавнего утопленника появилась произвольная улыбка, что насторожило женщину, если не обидело:

– Думаешь, что соврать? – при этом прищурила глаза и поджала губы.

– Стрелочка, когда это я тебе врал?

– Да вот сейчас и врешь! Борт какой-то выдумал, гирю... Судьбой Жорика якобы обеспокоился. Хотя и видишь его два раза в десять лет. Или, может, какая иная причина для твоего визита есть?.. Просто спать негде? Или не с кем?.. А может, на пельмешки мои потянуло, коих у меня всегда полная морозилка?

Последний удар оказался самый коварный. Если не сказать, что подлый. Умела Зинаида делать пельмени, ох как умела! Да такие вкусные, что лучше их никогда и нигде Ландеру даже пробовать не доводилось. И как только нахлынуло вкусовое воспоминание о данном горячем блюде, он чуть ли не захлебнулся от появившейся во рту слюны. Захрипел. Чуть ли не подавился, пытаясь сглотнуть, и понял, что даже слова не сможет сказать в ближайшие пару минут.

Обессиленный махнул рукой и стал разворачиваться. Понял, что и в этом доме помощи и сострадания не дожидаться. Но тут его выдал желудок: настолько возмущенно и требовательно заурчал, что стоящий рядом Жора гротескно перекрестился и довольно удачно спародировал известную фразу из старого кинофильма:

– Вот что пельмень животворящий с человеком делает! А ведь Рубка сюда еле дошел, у меня есть отказался, все приговаривал, что Стрелочку свою ненаглядную увидеть хочет!..

– Ага! И пельменями брюхо набить рычащее! – ворчливо успела вставить Зинаида. Но теперь уже и Шалавин от нее отмахнулся, спеша догнать уходящего товарища:

– Ром, ты не в ту сторону идешь!

– Мм? – недоуменно замер тот на месте.

– Кладбище вон там! – Жора добрался до черного юмора. – Тебе все равно больше чем триста метров не пройти. Да и мне в мире живых делать нечего, коль меня стали позором Заволжья обзывать...

Но не успели они пройти и двух шагов, как скрипнула и стукнула раскрываемая калитка, а женский голос строго добавил:

– Ладно, заходите... на полтора часа! – А так как мужчины замерли, словно собираясь проигнорировать приглашение, последовало еще более строгое напоминание: – У меня ружье!

Уже делая первый шаг, Ландер поинтересовался:

– Почему на полтора часа? А не на час?

– Потому что муж должен через два часа с работы вернуться. А он у меня парень резкий, разбираться, что у меня в доме делают оголодавшие приятели детства, не станет. Сразу на улицу вышвырнет... Калитку тщательно закройте!

Распорядилась, развернулась и пошла в дом. Тогда как Роман, ожидая, пока Жора закроет калитку, пнул его легонько кулаком в плечо и вопросительно прошипел:

– Не понял! Что за муж? Объялся груш! Откуда взялся?

– Да есть тут один громила, – скривился тот, отвечая тоже шепотом. – Вроде из уголовников каких-то. Бригадир бандитский. Урод натуральный, и с такими же уродами якшается. На меня наезжал, советовал быстрее из дома выбираться. Погоняло имеет звучное: Беркут. И вроде на шесть лет Зинаиды младше, но запал на нее, говорят, сильно. Правда, слух пронесся, что неделю назад она его выгнала взашей и на глаза запретила появляться, но... Вдруг и в самом деле явится? После работы своей-то бандитской?

– Хм! – нахмурился Роман и двинулся в дом, ворча себе под нос: – Интересно вертухаи косят эков в три ряда...

Жора отозвался в тон и в рифму:

– Дед Мороз был очень пьяный, оторвалась борода...

– И чего ты в деловые подался? – уже громко и в светлице подколол Ландер приятеля. – Шел бы Петросяном работать, катался бы как сыр в масле.

– Проходите сюда, на кухню! – позвала их Зинаида. – Нечего там сорить перхотью по чистым половикам!

«Ух, как мадам Стрельникова отлично устроилась! – восторженно мыслил Шенгаут. – Не дом, а музей какой-то! И за какие шиши она так живет роскошно?»

«Да как сказать... Неужели сам не догадаешься?»

«Мм? – недоумевал Дед. – Стесняюсь спросить, неужели... насосала?»

«Придурок ты старый! – мысленно вспылал Роман. – Смотри, сколько картин на стенах развешано! Или тебе через сеточку плохо видно? Художник она. Точнее – уникальный копист! Ей заказы делают музеи с мировым именем! А ты какую-то пошлятину городишь!..»

Разулись гости еще в веранде, даже носки дырявые дружно сняли, чтобы дырками не позориться, а вот обвинение в перхоти Шалавин воспринял с обидой:

– Ничего с нас не сыплется! У тебя тут и своего песка хватает! – А пройдя в кухню, облизнулся непроизвольно и скромно добавил: – На меня пельмени не вари, я недавно ужинал.

Зинаида только фыркнула с презрением, ставя широкую кастрюлю с водой на газовую плиту. После чего молча расставила на столе тарелки, приборы, полезла в холодильник. Зато Роман теперь не удержался, закладывая своего непутевого приятеля:

– У него даже сигарет нет. И дома – шаром покати! – уселся за стол, стараясь не смотреть на выставленные глубокие тарелки с холодцом, салатом, с квашеными огурчиками, с помидорами и с тушеной капустой. И тут же словно продолжил давно ведущийся разговор: – Ну вот не поверю, что никто не мог подсказать этому недоумку, что надо делать. Неужели было сложно открыть ему глаза и сразу развенчать всю эту нелепую аферу?

– Если бы он хоть кому-то что-то сказал, прежде чем подписывать бумаги! – злобно прорычала Стрелкова. – Делавар недоделанный! Все хотел прославиться на века. А прославился крайней тупостью и наивностью на всю область. Ну и паниковать этот лопух начал только утром, после того как блоки кто-то украл. Точнее, их обратно забрали те же самые аферисты.

– И ты знаешь конкретно их имена?

– Липовых строителей? Наверное, знаю, скорей всего. Хотя они там все одна шайка-лейка. Рука руку моет, ноге помогает и корму подтирает. Что банкир этот, что секретарь из нашего поселкового совета, вообще ничего не боятся, совсем стыд потеряли. Но если бы их как следует прижали из прокуратуры да честные следователи за это дело взялись, вмиг бы всю банду в кутузку спровадили. А так...

– Что, бесполезно рыпаться? – Ландер уже и говорил с трудом от голодных спазмов. Причем глаза-то закрыл, зато запахи так достали, что нарезающая свежий хлеб хозяйка посмотрела на гостя как-то очень встревоженно:

– Думаю, что бесполезно. Закон на стороне банка. – И тут же сжалась: – Утощайтесь! Пока пельмени сварятся...

Если Шалавин еще как-то попытался сдерживаться, стараясь все со стола брать вилкой и пользоваться ножом, то мистер Рубка моментально напомнил своим напором агрегат, сокращение от которого стало его прозвищем. Перемалывал пищу как электрическая мясорубка.

Притихшая на пару минут Зинаида уже со всем тщанием рассмотрела Ландера и призналась:

– Никогда еще таким тебя не видела... странным. И лицо под морским солнцем обгоревшее, и руки, и весь какой-то обугленный...

– Так, может, его в океане за борт выбросили? – ухмыльнулся Шалавин.

– Че мелешь-то? – не глядя на него, рассердилась женщина. – Где наша речка, а где океан?

– Мм! Мм! Точно! – сподобился выдавить из себя парочку слов интенсивно жующий Роман. – Тихий... Тихий океан.

– О, дает! – не выдержав, хохотнул Шалавин. – Вроде раньше никогда в быту не врал, а тут учиться вздумал! Или белочка одолевать стала?

И тут же сник под двумя сердитыми взглядами. Еще и наущения презрительные получил от подруги:

– Молчал бы уже, знаток вранья и фантазий, лошара обыкновенный! Знаешь ведь прекрасно, что Ромка либо правду говорит, либо недоговаривает. Либо вообще молчит. От этого и надо топтаться. Эй! – Это она опять сосредоточила все свое внимание на хрустящего огурцом Ландере: – Колись, кровавая гебня! Во что влип и от кого прячешься?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.